

Глава вторая

Миндонцы в XVIII – начале XX вв.¹

история меняющегося самосознания

Миндон — кишлак, который расположен в Ферганской области Республики Узбекистан, на самой границе с Кыргызстаном. Нынешнее его население числится узбеками. И это не формальная запись в паспорте, а реальная идентичность людей. Однако ещё 100 лет тому назад картина была совсем иной. Как же менялось самосознание миндонцев на протяжении этого времени?

В 1875 г. Кокандское ханство было завоёвано русскими войсками и в 1876 г. вошло в состав Туркестанского генерал-губернаторства Российской империи. Первоначально Миндон входил в состав Чимионского (с 1879 г. — Исфаринского) уезда Ферганской области, а когда уезд был расформирован, вошёл в состав Чимионской волости Маргеланского уезда той же области. Согласно архивным данным в конце 1870-е гг. в кишлаке было 317 домов². Эта цифра, судя по всему, отражала данные на момент завоевания Кокандского ханства русскими, поскольку для определения численности населения подвластной территории в эти годы российские чиновники использовали «дафтары», книги по учёту налогов, которые были составлены прежней властью. После завоевания численность миндонского населения снизилась почти на четверть. В 1880-х гг. в кишлаке было 244 дома³. По данным 1890 г. в Миндоне было 245 хозяйств и 1264 человека⁴. В том же 1890 г. были собраны самые первые статистические

сведения об этнографическом составе миндонцев. Судя по ним, в кишлаке тогда проживало 1014 таджиков, 153 кашгарца, 80 сартов, 17 кыргызов⁵.

Уменьшение населения, которое произошло в 1870–1880-е гг., на рубеже XIX–XX столетий сменилось бурным его ростом. Так, в 1909 году в Миндоне насчитывалось уже 562 двора, а его население исчислялось количеством в 3077 человек⁶. В статистическом справочнике за 1909 г. напротив слова «Миндон» в графе «преобладающая национальность» стояло имя «сарты». В 1917 г. в Миндоне было 645 домов и 3714 жителей⁷. Население кишлака в этом году было также названо «сартами».

По сведениям статистических обследований 1920-х гг. численность миндонского населения изменялась следующим образом: в 1925 г. — 744 домохозяйства и 3385 человек⁸, в 1926 г. — 977 домовладений и 4151 человек⁹. В эти годы население Миндона фигурировало под именем «узбеки». Причём Всесоюзная перепись 1926 г. фиксировала не «преобладающую национальность», как это было при обследованиях 1909, 1917 и 1925 гг., а все живущие в кишлаке этнические группы, как это было в 1890 г. Но в отличие от 1890 г. в Миндоне было теперь однородное 100% узбекское население. Иначе говоря, с 26 г. понятие «миндонец» стало идентифицироваться с понятием «узбек»¹⁰.

Итак, в течение 36 лет (жизни одного поколения), с 1890 по 1926 гг., если судить по официальным данным, смена названия миндонского населения произошла дважды. Сначала на рубеже XIX–XX вв. жители Миндона, состоявшие первоначально из «таджиков», «кашгарцев», «сартов» и «киргизов», поголовно превратились в «сартов». Затем, в начале 1920-х гг., так же поголовно «сарты» были записаны «узбеками».

⁵ ЦГА РУ, ф.23, оп.1, д.532, л.237об.-238. Я использую здесь и далее принятый сегодня более точный термин «кыргызы», хотя источники XIX и большей части XX вв. называли их «киргизами» (кара-киргизами и пр.).

⁶ Список населённых мест Ферганской области. Скобелев, 1909. С.77.

⁷ Материалы Всероссийских переписей. Перепись населения в Туркестанской Республике. Вып.4. Сельское население Ферганской области по материалам переписи 1917 года. Ташкент, 1924. С.76. По другим данным, в кишлаке в этом году было 661 хозяйство и 3594 человека (ЦГА УР, ф.19, оп.1, д.10082, л.37об).

⁸ Список населённых мест Узбекской ССР и Таджикской АССР. Вып.3. Ферганская область. Самарканд, 1925. С.72.

⁹ Материалы Всесоюзной переписи населения 1926 года в Узбекской ССР. Вып.1. Поселенные итоги. Самарканд, 1927. С.5. Быстрый рост населения за один календарный год объясняется тем, что в годы гражданской войны часть жителей покинула кишлак, а затем вернулась на своё прежнее место жительства.

¹⁰ Как свидетельствуют данные более поздней статистики, в 1951 г. в сельсовете «Миндон» (куда, кроме кишлака Миндон, входило ещё несколько небольших соседних селений) было 831 домохозяйство и 5061 человек, в том числе 4879 узбеков, 29 таджиков, 76 киргизов и 77 «спецпереселенцев» (вплоть до 1980-х гг. в Миндоне жили турки-месхетинцы, которые в 1944 г. были выселены из Грузии).

¹ Статья опубликована в ежегоднике «Расы и народы» (Вып.27. М., 2001. С.22–54). Для настоящего сборника статья была значительно переделана.

² Центральный государственный архив Республики Узбекистан (далее ЦГА РУ), ф.19, оп.1, д.28098, л.26.

³ ЦГА РУ, ф.19, оп.1, д.635, л.27; ЦГА РУ, ф.19, оп.1, д.1178, л.9–9об.

⁴ ЦГА РУ, ф.23, оп.1, д.532, л.237об.-238.

Такая смена имени не сопровождалась сменой населения кишлака. Рост численности жителей Миндона за этот период почти в 4 раза был результатом демографического взрыва, который произошёл во всех регионах Средней Азии, завоёванных русскими¹¹. Анализируя этот процесс на примере западной части Ферганской долины, этнограф В. И. Бушков написал, что «...Новых этнических компонентов, которые могли бы повлиять на качественное изменение этнической характеристики региона, здесь не появилось...»¹². То же самое можно сказать о южной части Ферганы, где располагается Миндон: массовых переселений сюда каких-либо других групп не было, в лучшем случае продолжалась медленная и незначительная миграция представителей тех групп, которые уже жили в кишлаке.

Если миндонское население осталось прежним, то значит, что-то случилось с сознанием людей. Какое объяснение могут предложить на этот счёт современные теории этничности? Воспользуемся для типологии этих теорий книгой английского учёного Э. Смита «Национализм и модернизм»¹³.

Одной из основных теорий, по мнению Э. Смита, является «модернизм», согласно которой «...нации представляют собой всецело современные явления — современные в смысле недавние, т.е. возникшие после Французской революции, и в том смысле, что компоненты нации также являются принципиально новыми, т.е. частью новой современной эпохи...», «...нации не уходят своим корнями в глубину веков, а являются следствием тех революционных изменений, которые способствовали установлению современной эпохи...»¹⁴. Радикальным вариантом «модернизма» является «конструктивизм». «Конструктивисты» рассматривают «нацию» исключительно как изобретение и воображение, которое никак не связано с прошлым, и отрицают в принципе существование каких-либо этнических сообществ и этнических отношений в прошлом¹⁵.

Противоположную позицию отстаивают сторонники теории «перенниализма», которые считают «...нацию извечным, повторяющимся феноменом, корни которого уходят в прошлое на века, если не на тысячелетия...», «...для перенниалистов основополагающими принципами существования нации являются связь с наследием предков и своеобразная культура...»¹⁶. Радикальным вариантом этой точки зрения является «примордиализм».

¹¹ Бушков В. И. Население Северного Таджикистана: формирование и расселение. М., 1995. С. 172.

¹² Там же. С. 169.

¹³ Смит Э. Национализм и модернизм. Критический обзор современных теорий наций и национализма. М., 2004 (перевод с английского оригинала, который был опубликован в 1998 г.).

¹⁴ Там же. С. 55, см. также С. 62–217.

¹⁵ Там же. С. 220–265.

¹⁶ Там же. С. 56–57, см. также С. 292–311.

«Примордиалисты» видят в каждой «нации» прямое продолжение древних этнических групп, которые представляются им «естественными феноменами», укоренёнными в истории, культуре, сознании и поведении — «... Нации становятся не видно из-за этнических групп...»¹⁷.

Как полагает Смит, существует «сценарий по крайней мере частичного теоретического сближения» этих двух позиций: «модернисты» признают возможность существования этнических сообществ и «этнических уз» в прошлом, ставших одним из факторов образования современных наций; «перенниалисты» признают, что новое время, переработав прежний культурный материал, создало современные нации и национализмы, а также способствовало широкому распространению их всему миру¹⁸. Радикальные взгляды «конструктивистов» и «примордиалистов» при этом, разумеется, отвергаются. Возможность такого сближения Смит доказывает, в частности, тем, что многие историки и антропологи, которые отстаивают современный характер наций и национализма, как правило, не отрицают того, что в прошлом существовали некие «культуры», «этнические группы» или даже «прото-нации»¹⁹.

Посмотрим теперь, как все эти разные теории можно применить к конкретному случаю с кишлаком Миндон, который, конечно же, отражает процессы, происходившие в Средней Азии в целом.

Достаточно очевидным, на мой взгляд, является тот факт, что рассматриваемый пример полностью вписывается в ту часть теории или теорий

¹⁷ Там же. С. 277, см. также С. 269–283.

¹⁸ Там же. С. 409–410.

¹⁹ То, что Смит называет компромиссом, уже существует в сознании многих историков и этнографов, даже тех из них, кто причисляет себя к тому или иному из названных направлений. Подобный компромисс, если не сказать противоречивость, демонстрирует, например, В. А. Тишков, который называет себя сторонником «конструктивизма». В книге с характерным заглавием «Реквием по этносу» он пишет, что «...не существуют фундаментальные коллективные архетипы в виде этносов, и принадлежность к ним не заложена в человеке изначально...» (Тишков В. А. Реквием по этносу. Исследования по социально-культурной антропологии. М., 2003. С. 125). Автор предлагает исключить из научного анализа и термин «этнос», и термин «нация». Однако в той же книге можно встретить и такое утверждение: «...сложившиеся на основе культурной схожести группы и общности существовали во все периоды истории и во всех регионах мира, и сам по себе этот фактор имел и сохраняет огромное значение в человеческой эволюции. Если к тому же члены этих человеческих коллективов осознавали и выражали свою принадлежность к данным коллективам, то мы имеем основания считать эти коллективы этническими, т.е. этническими группами или этническими общностями...» (Там же. С. 96–97). Таким образом, стремление деконструировать современную нацию (особенно её этническую ипостась) вполне уживается с признанием того факта, что этнические группы (этносы?) существовали в прошлом как «фактор эволюции».

«модернизма», которая говорит о влиянии чиновников, политиков и интеллектуалов на создание национальной идеи, о роли европейской культуры и колониального государства в распространении национальной идеи, о значении капиталистического развития, всеобщего образования, массового книгопечатания в укоренении национальной идеи и т.д. «Сартизация» значительной части оседлого населения Средней Азии в начале 1900-х гг., а потом «узбекизация» их в начале 1920-х гг. — это, безусловно, процессы, которые имели во многом искусственный характер, спровоцированный и направляемый сначала российскими, а потом советскими властями, в той или иной мере поддержанных «туземной» элитой²⁰.

Спорным, тем не менее, остаётся другой вопрос: существовали ли этнические сообщества («прото-нации») — и какие — в Средней Азии до прихода туда русских военных и учёных? Можно ли, например, назвать «этническими группами» те группы — «таджиков», «кашгарцев», «сартов» и «кыргызов», которые были зафиксированы местной переписью 1890 г.? Вроде бы к такому выводу подталкивает тот факт, что некоторые из перечисленных наименований — «таджики» и «кыргызы» — позднее стали вполне «законными» национальными названиями. На замечание скептиков о том, что «сарты» и «кашгарцы» в современной номенклатуре среднеазиатских наций отсутствуют, оптимисты ответят: они сменили своё имя в начале 1920-х гг. — соответственно на «узбеков» и «уйгуров», но сами этнические сообщества как были, так и остались. В этом случае «перенниалистская» концепция будет как бы вполне работающей.

Попробуем разобраться, можно ли прежних «таджиков», «кашгарцев», «сартов» и «кыргызов» автоматически причислять к «таджикам», «уйгурам», «узбекам» и «киргизам» в их современном понимании. И вообще — можно ли их считать этническими группами, можно ли названия тех групп, которые описаны в источниках, считать этнонимами, можно ли говорит однозначно о языковой принадлежности той или иной группы, можно ли рассматривать те или иные их культурные черты в качестве этнических маркёров?

* * *

Сарты

Миндон расположен на юге Ферганской долины, в той её части, которая издавна тяготела к древнему городу Маргилану. Перед самым русским завоеванием Миндон был в составе Чимионского бекства, которое маргиланский бек выделил своему сыну. Согласно современным

²⁰ См. Главу 4 настоящей книги.

местным преданиям, на месте, где сейчас находится миндонский «гузар» или «шахар», т.е. центр селения, давным-давно обосновались 5 семейств, принадлежавших к различным племенам и народам — кыргызы, узбеки, таджики, кашгарцы, калмыки. Кто-то считает, что первоначально в Миндоне поселилось 9 или 12 человек. По другой версии, после возвращения войск Чингиз-хана из Кашгара (нынешнего китайского Синьцзяна) здесь поселились 7 воинов-братьев, которые построили крепость и стали воровать скот из соседних кишлаков. От этих первопоселенцев якобы и происходит миндонское население.

Возникновение названия «Миндон», как считают сами жители кишлака, относится примерно к последним десятилетиям XVIII в. Это событие миндонцы связывают с именем поэта и религиозного деятеля Хувайдо-ишана. Сам поэт был вполне реальным, историческим лицом. Его отец Гойиб-Назар-суфи сначала жил в городе Ош (юго-восточная Фергана), но потом переселился в Чимион, соседний с Миндоном большой кишлак — центр будущего бекства, где преподавал местному населению исламские науки. Хувайдо-ишан, или Ходжа-Назар, тоже жил в Чимионе и умер в 1780/81 г.²¹ До сих пор могила поэта-мистика пользуется славой святого места. По рассказам миндонцев, однажды поэт, поссорившись с чимионцами, вынужден был покинуть свой дом и перебраться на другое место жительства (один из информаторов даже точно датировал это событие 1774 годом). Гостю понравилось новое селение и его жители, поэтому он произнёс пожелание «пусть [у вас] из одного зерна [пшеницы] уродится тысяча зёрен» (по-узбекски «бир донинг минг дон булсин»). Словосочетание «минг-дон» (тысяча зёрен) в форме одного слова «миндон» с тех пор якобы стало названием кишлака. Скорее всего, эта история является примером «народной» этимологии.

Весьма вероятно, что в основе слова «миндон» лежит очень древний восточноиранский термин, искажённый в последующие эпохи²². Возможно, на месте нынешнего Миндона в древности существовало селение с жителями, говорящими на восточноиранских языках. По сведениям В. А. Парфентьева, полученным от местного населения в начале XX в., «до ислама» в этом районе находился большой город, который был разрушен «мугалами» (слово образовалось от смешения двух терминов — «муг» и «могол»), разбитых в свою очередь арабским войском, возглавляемым

²¹ См.: Гаврилов М. Ф. Среднеазиатский поэт и суфий Хувайдо. Ташкент, 1927; Хувайдо // Узбекская советская энциклопедия. Т. 14. Ташкент, 1980. С. 463 (на узб. яз.).

²² В ягнобском языке «майн» или «мен» — селение (Мирзозода С. Ягнобско-таджикский словарь. Душанбе, 2002. С. 106 (на тадж. языке)). Окончание «дон» встречается во многих старых топонимах.

внуком пророка Мухаммеда²³. Впрочем, такого рода легенды можно услышать едва ли не в каждом более или менее крупном населённом пункте.

Может быть и другая версия, согласно которой название «миндон» было принесено переселенцами. Так, в верховьях р. Зеравшан в Пенджикентском районе современного северного Таджикистана существовало таджикское селение «Миндона». Между тем, один информатор-миндонец сказал, что, «кажется», его дальние предки являются выходцами из Самарканда, главного исторического центра Зеравшанской долины. Хотя это признание было сделано без наводящих вопросов, его ценность мала из-за своей единичности. Тем не менее, существует ряд дополнительных данных в пользу этого сообщения.

По сообщению того же В. А. Парфентьева, в начале XX в. в соседнем с Миндоном селении Вуадиль бытовала легенда о группе «минг» (минг), которая пришла сюда из Самаркандской области в начале XVII в. во главе с 12 беками²⁴. Кстати, существует ещё одна «народная» этимология названия «Миндон»: «минг-дан» в буквальном переводе может означать «из [племени] минг». К этому племени, как известно, принадлежали правители Кокандского ханства, существовавшего в XVIII–XIX вв., а также правители большого селения Ургут в окрестностях Самарканда. Возможно, что в упомянутой В. А. Парфентьевым легенде смешаны два различных сюжета — о племени «минг» и о миграции из Самаркандской области. Во всяком случае, массовые переселения из Самарканда в Фергану происходили столетием позже — в первой половине XVIII века. В 1710–40-е гг. из-за междоусобных войн, потравы полей саранчой и нашествия персидских войск бывшая столица Тимура совершенно опустела: согласно письменным источникам, 12 тыс. самаркандцев ушли в Индию, несколько тысяч человек в 1717 г. ушли в Коканд²⁵.

Достоверных сведений о том, на каком языке говорили жители Миндона в XVIII в., нет. В. П. Наливкин писал, что мигранты из Самарканда были «...по большей части узбеки...»²⁶. Этнограф С. С. Губаева отмечает, что «...Население этого района [нынешний Ферганский район Ферганской области, где находится кишлак Миндон — С. А.] <...> в значительной степени составляют таджики, переселившиеся из Самарканда...»²⁷. Можно

²³ Парфентьев В. А. Селение Вуадиль (статистический очерк) // Ежегодник Ферганской области. Т. 3. Нов. Маргелан, 1904. С. 59–60.

²⁴ Там же. С. 59.

²⁵ См.: Бейсембиев Т. К. «Тарихи-и Шахрухи» как исторический источник. Алма-Ата, 1987. С. 7, 9; Материалы по истории Средней и Центральной Азии X–XIX вв. Ташкент, 1988. С. 316.

²⁶ Наливкин В. Краткая история Кокандского ханства. Казань, 1886. С. 61.

²⁷ Губаева С. С. Горные таджики Каратегина в Ферганской долине (конец XIX – начало XX в.) // Советская этнография. 1987, № 1. С. 92.

предположить, что миндонцы были по крайней мере двуязычны, т. е. говорили на тюркском (узбекском) и иранском (таджикском) языках. Это подтверждается, в частности, одной легендой о деяниях Хувайдо. Ишану приписываются несколько чудес: например, чуть ли не каждый миндонец знает рассказ о том, что Хувайдо любил отдыхать у водоёма в центре кишлака и что однажды, разозлившись на шум лягушек, запретил им квакать, после чего лягушки якобы замолчали. Приказ святого, который писал свои стихи в основном по-тюркски, был произнесён на фарси (по-таджикски).

О том, каким было самоназвание жителей Миндона, в частности выходцев из Самарканда или окружающих его кишлаков, также никаких достоверных известий не существует. Можно предположить, что имевшееся у них в момент переселения в Фергану самоназвание было во втором или третьем поколении, т. е. на рубеже XVIII–XIX вв., полностью забыто. Основным, видимо, стало имя «миндонец», с помощью которого человек, иногда выезжавший в ближайшие селения на базары или по другим делам, мог вполне объяснить, кто он и откуда. Для поездки в более отдалённые места, где название «миндонец» ничего не говорило, могло употребляться имя «чимионец» (по названию крупнейшего кишлака в округе) или «маргиланец» (по названию крупнейшего соседнего города и центра Маргиланского бекства, от которого отпочковалось Чимионское бекство). За пределами Ферганы житель Миндона мог назваться или получить прозвище «ферганец», «кокандец» (по названию столицы Кокандского ханства), «андижанец» (по названию прежней столицы Ферганского удела — так ещё в XIX в. называли жителей Ферганы в Кашгарии), «бухарец» (по названию самого крупного и самого известного города Средней Азии, столицы Шейбанидской и Аштарханидской династий — так ещё в начале XIX в. называли всех среднеазиатских жителей русские).

Для обозначения культурных (но не языка) черт и образа жизни всего оседлого населения Ферганской долины часто использовалось имя «сарты» (в письменных источниках — «сартия»), обязательно в противопоставлении кочевникам и полукочевникам — «элаты» («элатия») ²⁸. История и смысл этого термина уже давно и жарко обсуждаются этнографами и историками ²⁹. В данном случае меня интересует два вопроса: 1) было ли название «сарты» самоназванием оседлого населения, или хотя бы его части, и 2) как соотносилось название «сарты» с другими названиями и именами. Однозначного ответа нет ни в том, ни в другом случаях.

Значительное число самых разных источников говорят, что название «сарты» использовалось не столько в качестве самоопределения, сколько

²⁸ Бейсембиев Т. К. «Тарих-и Шахрухи». С. 78, прим. 56.

²⁹ Наиболее разумное и общепринятое определение см.: Бартольд В. В. Сарт // Бартольд В. В. Сочинения. Т. 2. Ч. 2. Работы по отдельным проблемам истории Средней Азии. М.: Наука, 1964. См. также Главу 4.

для внешнего описания оседлого населения. Причём слово «сарт» имело уничижительный оттенок, что даже выразилось в появлении явно негативной «народной» этимологии слова («сары-ит», т.е. рыжая собака). Этот уничижительный оттенок появлялся, как отмечают многие источники, когда о сартах говорили казахи, киргизы, каракалпаки, узбеки, т.е. представители другого — кочевого или полукочевого — образа жизни. По словам И. В. Виткевича, который побывал в Хиве и Бухаре в 1836 г., «...Кайсаки [казахи — С. А.] называют хивинцев презрительно сарт, а в лицо — орагды или урганджи [т.е. жителями Ургенджа — С. А.]...»³⁰. По словам А. Д. Гребенкина, который писал чуть позже Виткевича, «...Сами узбеки говорят: “таджика мы называем таджиком, когда едим с ним, а сартом — когда браним его”...»³¹. Данных такого рода очень много и они указывают скорее на то, что имя «сарты» не было самоназванием.

Тем не менее, известны многочисленные случаи употребления слова «сарт» в нейтральном смысле. Письменные источники XVI–XIX вв., авторами которых были жители Ферганы, говорили о «сартах», не вкладывая в это имя никакого отрицательного значения. Ещё в начале XVI в. тимурид Бабур, сам ферганец, писал: «...Жители Маргинана [Маргилана — С. А.] — сарты...», «...Все жители Исфары — сарты...»³². Факты такого рода дают основание думать, что имя «сарты» вполне могло использоваться для самохарактеристики. Правда, с одной существенной оговоркой — имя «сарты» никогда не становилось, как бы мы сейчас сказали, «этническим», т.е. оно не было обязательным и единственным названием или самоназванием оседлого населения Ферганы. Различные группы ферганских жителей могли принимать этот термин или не принимать, вкладывая в него самые разные значения, в зависимости от ситуации, в которой речь шла о «сартах».

По-видимому, термин «сарты» всегда существовал рядом с другими определениями и самоопределениями. Один местный автор писал в XVIII в.: «...киргизы, узбеки, казахи и каракалпаки называют таджиков и аймаков сартами...»³³, и это означает, что термин «сарты» сосуществовал с терминами «таджики» и «аймаки» (смысл последнего — «коренные жители»³⁴). Э. Реклю, со ссылкой на немецкоязычную работу А. Куна, писал,

³⁰ Записка И. В. Виткевича // Записки о Бухарском ханстве (отчёты П. И. Демезона и И. В. Виткевича). М., 1983. С. 87.

³¹ Гребенкин А. Д. Таджики // Русский Туркестан. Сборник изданный по поводу политехнической выставки. Вып. 2. М., 1872. С. 2.

³² Бабур-наме. Записки Бабура. Пер. М. Салье. Ташкент, 1993. С. 30, 31.

³³ Зайнабдин-Мухаммад-Амин-Садр-Кашгари. «Асаф-ал-футух» // Международные отношения в Центральной Азии. XVII–XVIII вв. Документы и материалы. Кн. 2. М., 1989. Приложение 2. С. 259.

³⁴ См. Кармышева Б. Х. Слово «аймак» в этнонимии и топонимии Узбекистана // Ономастика Средней Азии. Вып. 2. Фрунзе, 1980.

что «...Во всей Фергане большинство жителей сами себя называют “курам” [курама, т.е. смесь — С. А.], из чего видно, что им хорошо известно, что они произошли из смешения различных рас...»³⁵. По свидетельству Л. Ф. Костенко в середине XIX в., в Ходженте «...спрошенный вами обыватель о том, кто он: сарт или таджик? ответит, что он и сарт (по роду жизни), и таджик (по происхождению)...», житель же Ташкента не всегда соглашается с названием сарт, «...а определит себя просто ташкенлык (т.е. ташкентцем)...»³⁶. Чуть позднее Н. П. Остроумов уточнял эту картину: «...оседлые туземцы обыкновенно называют себя по месту жительства <...>, но когда туземца спрашивают: кто он — киргиз [в данном контексте казах — С. А.] или сарт? то сарт отвечает, что он — сарт, а не казах...»³⁷. Судя по всему, в одних случаях воспоминание о своём происхождении могло долго сохраняться и определять самоощущение человека (особенно если оно каким-то образом выделяло его, а ещё лучше — приподнимало над окружающими), в других случаях прежнее самоназвание, может быть менее престижное, быстро стиралось из памяти и заменялось новым, в третьих же — разные имена сосуществовали и использовались в одинаковой мере.

Калмыки

В XVIII в. в Миндоне появляется ещё одна группа переселенцев — калмыки (калмок), потомками которых до сих пор называют себя несколько семей миндонцев. Чтобы понять статус, который был у этой группы, следует обратиться к проблеме происхождения среднеазиатских калмыков.

В современных преданиях ферганского населения калмыки нередко рассматриваются как коренное, наиболее древнее население Ферганы³⁸. Правда, в этом случае калмыков нередко путают с «мугами» («кал-муг»), древним немусульманским населением Средней Азии³⁹. Тем не менее, несмотря на эту путаницу, предания отражают ту реально огромную роль, которую калмыки сыграли в истории Ферганской долины и всей Средней Азии в позднем средневековье.

³⁵ Реклю Э. Земля и люди. Всеобщая география. Т. 6. Азиатская Россия и средне-азиатские ханства. СПб., 1883. С. 344.

³⁶ Костенко Л. Средняя Азия и водворение в ней русской гражданственности. СПб., 1871. С. 79–80.

³⁷ Остроумов Н. П. Сарты. Этнографические материалы. Вып. 1. Ташкент, 1890. С. 1.

³⁸ Федченко А. П. В Кокандском ханстве // Федченко А. П. Путешествие в Туркестан. М., 1950. С. 339.

³⁹ См.: Наливкин В. Краткая история Кокандского ханства. Казань, 1886. С. 7; Джетбысбаев Н. Слово «муг», курганы и каменная баба // Протоколы заседаний и сообщения членов Туркестанского кружка любителей археологии. Год 5-й (11 декабря 1899 — 11 декабря 1900). Ташкент, 1900. С. 29–30.

Калмыки принадлежат к числу западномонгольских племён, которые по письменным источникам известны также как «джунгары» или «ойраты». Уже в XVI в. калмыки воевали с казахами⁴⁰, а в XVII в. нападали на Хорезм и Ташкент⁴¹, вели переговоры о военном союзе с бухарскими правителями⁴² и совершали набеги на окрестности Бухары⁴³. В начале XVII в. в руках калмыков был Мангышлак, где у них скрывался будущий хивинский правитель Абулгази⁴⁴. В середине XVII в. калмыки взяли «...верх над некоторыми туркменскими улусами...», после чего нападали на область Астрабад (северо-восточная Персия) и посылали своих послов к персидскому шаху⁴⁵.

В середине XVII в. образуется так называемое Джунгарское ханство, которое начинает экспансию на запад. В 1680-е гг. джунгарский правитель Галдан захватил всю Кашгарию (нынешний Синьцзян), совершал походы на Сайрам (нынешний Южный Казахстан), воевал с кыргызами и жителями Ферганы⁴⁶. В 1723 г. джунгарские войска овладели городами Сайрам, Ташкент, Туркестан и Сузак⁴⁷. В том же году джунгарский правитель направил послов к бухарскому правителю из династии Аштарханидов и угрожал захватить Самарканд и даже Бухару⁴⁸. По разноречивым сведениям, джунгары фактически владели (видимо, имели там большое влияние) в начале XVIII в. Ходжентом, Джизаком и Маргиланом⁴⁹. Есть свидетельства,

⁴⁰ Бартольд В. В. Очерк истории Семиречья // Бартольд В. В. Сочинения. Т. 2. Ч. 1. Общие работы по истории Средней Азии. Работы по истории Кавказа и Восточной Европы. М., 1963. С. 96.

⁴¹ Чимитдоржиев Ш. Б. Взаимоотношения Монголии и Средней Азии в XVII–XVIII вв. М., 1979. С. 21–22.

⁴² Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР. Ч. 1. Торговля с московским государством и международное положение Средней Азии в XVI–XVII вв. Л., 1932. С. 310.

⁴³ Международные отношения в Центральной Азии. XVII–XVIII вв. Документы и материалы. Кн. 2. М., 1989. С. 246.

⁴⁴ Материалы по истории туркмен и Туркмении. Т. 2. XVI–XIX вв. Иранские, бухарские и хивинские источники. М.; Л. С. 327.

⁴⁵ Там же. С. 113, 115.

⁴⁶ Бартольд В. В. Очерк истории Семиречья. С. 98.

⁴⁷ Там же. С. 99; Международные отношения в Центральной Азии. С. 213.

⁴⁸ См.: Посланник Петра I на Востоке. Посольство Флорио Беневени в Персию и Бухару в 1718–1725 годах. М., 1986. С. 96; Бартольд В. В. История культурной жизни Туркестана // Бартольд В. В. Сочинения. Т. 2. Ч. 1. Общие работы по истории Средней Азии. Работы по истории Кавказа и Восточной Европы. М., 1963. С. 277. Как писал Беневени, хан калмыков «кантайши» (хунтайджи) хотел заключить договор с бухарским ханом о том, чтобы Самарканд выплачивал дань Джунгарии, причём «кантайши» обосновывал свои претензии тем, что он — «одного рода с Тамерланом», а в случае отказа грозил сам завоевать Самарканд и Бухару и поставить вместо узбеков чагатаев (Посланник Петра I на Востоке. С. 96)

⁴⁹ Посланник Петра I на Востоке. С. 84–85, 123.

что под их номинальной властью находились «...некоторые земли Дешт-и Кипчака [территория современного Казахстана и северной части Туркмении, а также южные области России — С. А.] и Ирана, а также Бадахшана [современные северо-восточные районы Афганистана — С. А.], Ташкент, Курам [Курама, или долина р. Ахангарон — С. А.] и Пскент...»⁵⁰. Джунгары неоднократно посылали войска на завоевание Читрала, Бадахшана, Дарваза и Каратегина⁵¹. Влияние джунгар было настолько большим, что в первой половине XVIII в. в Бухаре были распространены предсказания о том, что власть в Мавераннахре должна перейти от узбеков к калмыкам, как когда-то она перешла к узбекам от Тимуридов⁵².

Часть джунгар под именем «калмок» оседала в Средней Азии и принимала ислам. Обращённые в ислам калмыки в XVII–XIX вв. составляли служивое сословие и входили в элиту среднеазиатских государств, правда не благодаря знатному происхождению, а скорее вопреки ему. Калмыков-рабов дарили правителям Бухары, и те охотно использовали их в качестве вооружённой силы в своих междоусобных войнах⁵³. В 1611 г. Мухаммад-Баки-калмок участвовал в возведении на ханский престол Имамкули-хана⁵⁴. В начале XVIII в. калмыки играли большую роль при бухарском дворе. Верным слугой Убайдулла-хана был Афлатун-курчи-калмок, который погиб, защищая своего господина, чему посвящено в источниках много поэтических строк⁵⁵. В то же время в заговоре против Убайдулла-хана и его убийстве участвовал «убийца принцев, зловещий» Джавшан-калмок, который возвёл на бухарский престол Абулфейз-хана; при новом правителе Джавшан-калмок получил высочайшие должности «инака» и «верховного кушбеги» и фактически узурпировал власть в своих руках, раздав своим родственникам и друзьям важные государственные посты; позднее Абулфейз-хан казнил Джавшана-калмока и его брата Мухаммада-Малах-курчи⁵⁶. В начале XVIII в. при бухарском дворе

⁵⁰ См.: Международные отношения в Центральной Азии. С. 259; Сулейманов Р. Б., Моисеев В. А. Из истории Казахстана XVIII века (о внешней и внутренней политике Аблая). Алма-Ата, 1988. С. 37–38.

⁵¹ См.: Тарих-и Бадахшани («История Бадахшана»). М., 1997. С. 35, 37–38; Материалы по истории Средней и Центральной Азии. С. 265.

⁵² Миклухо-Маклай Н. Д. Описание таджикских и персидских рукописей Института народов Азии. Вып. 2. Биографические сочинения. М., 1961. С. 153.

⁵³ Ахмедов Б. А. История Балха (XVI — первая половина XVIII в.). Ташкент, 1982. С. 113, 159.

⁵⁴ Там же. С. 105.

⁵⁵ См.: Мир-Мухаммед-Амин-и Бухари. Убайдулла-наме. Ташкент, 1957. С. 254, 266, 268, 273; Абдурахман-и Тали. История Абулфейз-хана. Ташкент, 1959. С. 29–30.

⁵⁶ См.: Мир-Мухаммед-Амин-и Бухари. С. 30, 233–234, 276, 284–289; Абдурахман-и Тали. С. 16, 21, 36–37.

Убайдулла-хана и Абулфейз-хана были известны и такие представители знати, как Эмир-Тарамтай-хаджи-калмак, Бакаул-калмок, Мухаммад-Салах-курчи-калмок и его сын Абулкасим-курчи⁵⁷. По сведениям Ф. Бенвени, который в начале XVIII в. посетил Бухару, «...Хан [бухарский правитель Абулфейз — С. А.] ни на кого так не надеется, как на своих холопов калмыков...», которых при нём было 350 человек⁵⁸. Во время междоусобной борьбы в начале XVIII в. на стороне бухарского правителя Абулфейз-хана был отряд «ханских калмыков», который возглавляли Карчигай-и Хисари, Шахбаз-Кича, Карчигай, Лачин-и Хисари, а на стороне его соперника — самаркандского правителя Раджаб-хана — полководец Таши-калмок⁵⁹. В середине и во второй половине XVIII в. упоминаются знатные бухарские вельможи Рахимкул-мирахур-калмок, Баходур-бий-калмок и Бурибой-калмок⁶⁰. В середине XIX в. в числе бухарской знати был Адил-парванчи-калмок, который был назначен удельным правителем Самарканды⁶¹. Большое значение калмыков в Бухаре подтверждается тем, что при возведении на престол бухарского эмира Музаффар-хана наряду с тремя мангытами (т. е. соплеменниками хана) и двумя фарсами (персы, которые нередко первоначально принадлежали к рабскому сословию, а потом становились ханскими фаворитами и занимали высшие должности в государстве) участвовал Абдураим-бий-калмок⁶².

В Бухаре существовал квартал Калмок, где жили «калмоки», которые принадлежали к военному сословию «сипох»⁶³. Е. Мейендорф, который посетил Бухару в начале XIX в., писал, что «...В Бухаре живёт несколько сот калмыков, некоторые из них владеют землёй вокруг города, но большинство — военные...», и они «...почти совсем забыли свой язык и между собой говорят по-татарски; их можно узнать только по физиономиям. Они известны своей храбростью, восприняли обычаи узбеков и живут среди них в особых селениях в Мианкале и других районах Бухарии...»; всего

⁵⁷ См.: *Мир-Мухаммед-Амин-и Бухари*. С. 30, 50, 91–92; *Абдуррахман-и Тали*. С. 82–83, 105–106.

⁵⁸ Посланник Петра I на Востоке. С. 69, 125.

⁵⁹ *Абдуррахман-и Тали*. С. 51, 54, 61, 82, 83, 87, 104, 105–106, 113, 114, 128, 132.

⁶⁰ См.: *Мирза Абдалазим Сами*. Тарих-и Салатин-и Мангитийа (история мангытских государей). М., 1962. С. 43; *Сухарева О. А.* Бухара. XIX — начало XX в. (позднефеодальный город и его население). М., 1966. С. 134–138; *Сухарева О. А.* Квартальная община позднефеодального города Бухары (в связи с историей кварталов). М., 1976. С. 128–130; *Валидов А. З.* Некоторые данные по истории Ферганы XVIII столетия // Протоколы заседаний и сообщения членов Туркестанского кружка любителей археологии. Год 20 (11 декабря 1914 — 11 декабря 1915). Вып. 2. Ташкент, 1916. С. 105.

⁶¹ *Мирза Абдалазим Сами*. С. 71, 112.

⁶² *Сухарева О. А.* Бухара. XIX — начало XX в. С. 137.

⁶³ Там же. С. 134–138. См. также: *Сухарева О. А.* Квартальная община. С. 128–130.

их около 20 тыс. человек⁶⁴. В Бухарском эмирате в начале XX в. племя «калмок» насчитывало около 9 тыс. человек, жили они в Бухарском оазисе, частью на Амударье и в Шахрисябзе⁶⁵.

Кроме Бухары калмыки жили в других городах и районах Средней Азии и соседних регионов. Так, в середине XVIII в. в Ташкент приехал из Самарканды правитель Касым-ходжа, которого сопровождали 500 калмыцких воинов⁶⁶. Некто Кобил из рода кара-калмак сделал свою ставку в селении Богистан, относящемся к Ташкентской округе⁶⁷. В конце XVIII в. калмыки появились при дворе афганских правителей в Кабуле⁶⁸. В Шугнана в середине XIX в. при дворе Абдурахим-хана должность «диванбеги» исполнял Мухаммад-Карим «из племени калмыков», он был «...человек злонамеренный и тиран, делавший много насилий над людьми», за что был убит⁶⁹.

Значительным было влияние калмыков в Фергане⁷⁰. Есть сведения, что уже в конце XVII в. джунгары совершили поход в Фергану и захватили Ош⁷¹. В 1720-е гг. они овладели Андижаном⁷². В 1741–45 гг. джунгары совершили три похода против кокандского правителя Абдукарима: в первом и втором походах участвовало по 10 тыс. воинов, в третьем — 30 тыс.⁷³ В одном из походов джунгары приблизились к Коканду, но город удалось защитить благодаря сообщению калмыков-перебежчиков⁷⁴. По другим источникам известно, что в середине XVIII в. калмыки осадили Коканд,

⁶⁴ См.: *Мейендорф Е. К.* Путешествие из Оренбурга в Бухару. М., 1975. С. 97, 104, 106; Записка И. В. Виткевича. С. 104.

⁶⁵ Материалы по районированию Средней Азии. Кн. 1. Территория и население Бухары и Хорезма. Ч. 1. Бухара. Ташкент, 1926. С. 211.

⁶⁶ Ташкент в описании купца Шубая Арсланова (1741) // История Узбекистана в источниках. Известия путешественников, географов и учёных XVI – первой половины XIX в. Ташкент, 1988. С. 108.

⁶⁷ *Плоских В. М.* Киргизы и Кокандское ханство. Фрунзе, 1977. С. 283.

⁶⁸ *Джандосова З.* Шах Заман — последний император Афганистана // Страны и народы Востока. Вып. 30. Центральная Азия. Восточный Гиндукуш. СПб., 1998. С. 271, 278, прим. 23.

⁶⁹ История Шугнана // Протоколы заседаний и сообщения членов туркестанского Кружка любителей археологии. Год двадцать первый (11 декабря 1915 г. — 11 декабря 1916 г.). Ташкент, 1917. С. 11–12.

⁷⁰ *Губаева С. С.* Этнический состав населения Ферганы в конце XIX — начале XX в. (по данным топонимии). Ташкент, 1983. С. 74–76.

⁷¹ *Молдобаев Н. Б.* Древний Ош: проблемы и перспективы изучения // Изучение древнего и средневекового Кыргызстана. Бишкек, 1998. С. 33.

⁷² Материалы по истории Средней и Центральной Азии. С. 266.

⁷³ Там же. С. 281–282, 296, 316. См. также: Международные отношения в Центральной Азии. С. 3–4, 8; *Плоских В. М.* Киргизы и Кокандское ханство. С. 72.

⁷⁴ *Бабабеков Х. И.* Народные движения в Кокандском ханстве и их социально-экономические и политические предпосылки (XVIII–XIX вв.). Ташкент, 1990. С. 25–26.

взяли в заложники Баба-бека, близкого родственника кокандского правителя, а потом, после смерти последнего, попытались поставить Баба-бека правителем в Кокандском владении⁷⁵. В источниках упоминается о том, что Баба-бек находился среди калмыков около Коканда, т. е. калмыки уже тогда жили в Ферганской долине⁷⁶. Несомненное монгольское влияние видно в имени следующего кокандского правителя — Ирдана-бия (термин «эрдене», в переводе с монгольского «драгоценность», часто использовался как титул джунгарской знати)⁷⁷. Следующий правитель — Нарбута-бий — был женат на калмычке⁷⁸.

В 1759/60 гг., когда Джунгария была разгромлена и завоёвана китайцами — империей Цин, значительная часть джунгар-калмыков бежала в Среднюю Азию, где они «...ассимилировались с местными жителями, сохранив лишь родоплеменное название калмак...»⁷⁹. По данным одного источника, из Кашгарии, оказавшейся под властью китайцев, ушло 12 тыс. семей кашгарцев и калмыков, 9 из которых поселились в Фергане, а 3 — в бадахшанском Файзабаде⁸⁰. При Ирдана-бие, во второй половине XVIII в., в Фергане жило «несколько тысяч» калмыков, у которых Ирдана, подозревая измену в случае вторжения цинских войск, отнял оружие и лошадей⁸¹. Мир-Иззет-Улла, который в начале XIX в. совершал путешествие по Кокандскому ханству, упоминает о калмыках-мусульманах, живших в юго-восточной Фергане (т. е. недалеко от Миндона!)⁸². В XIX в. группа кочевников-калмыков, которая считалась одним из местных племён, активно участвовала в политических событиях в Кокандском ханстве (причём источник, рассказывающий об этих событиях, говорит о калмыках, живущих в юго-восточной части Ферганы!)⁸³. По данным

⁷⁵ *Баббеков Х. И.* Народные движения в Кокандском ханстве. С. 25–26. См. также: *Наливкин В.* Краткая история. С. 60, 61.

⁷⁶ *Бейсембиев Т. К.* «Тарихи-и Шахрухи». С. 80.

⁷⁷ Там же. С. 80.

⁷⁸ *Наливкин В.* Краткая история. С. 69.

⁷⁹ *Плоских В. М.* Киргизы и Кокандское ханство. С. 79.

⁸⁰ *Тарих-и Бадахшани.* С. 46, 48–49.

⁸¹ *Кузнецов В. С.* Цинская империя на рубежах Центральной Азии (вторая половина XVIII — первая половина XIX в.). Новосибирск, 1983. С. 55.

⁸² Путешествие Мир Иззет Уллы в Кокандское Ханство (1812) // История Узбекистана в источниках. Известия путешественников, географов и учёных XVI — первой половины XIX в. Ташкент, 1988. С. 158.

⁸³ См.: *Бейсембиев Т. К.* Ферганские номады в Кокандском ханстве и их историографы // Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций. Алма-Ата, 1989. С. 348; *Бартольд В. В.* Извлечение из Тарих-и Шахрух // Бартольд В. В. Сочинения. Т. 2. Ч. 2. Работы по отдельным проблемам истории Средней Азии. М., 1964. С. 352.

русской статистики, в начале XX в. в Ферганской области проживало от 200 до 600 калмыков⁸⁴.

Таким образом, калмыки Средней Азии не представляли собой какую-то единую общность. Это были люди, которые поодиночке или небольшими группами на протяжении нескольких столетий насильственно или добровольно принимали ислам и становились частью среднеазиатского общества⁸⁵. Они порывали с большинством своих прежних обычаев, перенимали образ жизни и язык окружающего населения. Уже тогда одна часть этих выходцев из монголоязычных племён бесследно сливалась с местными жителями. Другая часть оказалась в числе военного сословия среднеазиатских ханств, что позволило им сохранить некоторую обособленность. Именно эти последние получили собирательное имя «калмок», которым сначала обозначали все немусульманские (и необязательно монголоязычные) народы, враждебные мусульманам⁸⁶. Под этим именем они в качестве особого племени были включены в иерархию узбекских племён.

Важно подчеркнуть, что на родине, откуда пришли мигранты, имя «калмок» не было распространено и значимыми были совершенно другие виды самоопределения. Например, для населения Джунгарии имело значение прежде всего принадлежность к племенам, которые возводили свои генеалогии к разным лицам и имели свою иерархию престижности. По разным источникам, к их числу относились, в частности, дэрбэты, хошоуты, торгоуты, а также собственно джунгары (представители этого племени стояли во главе союза, отсюда и произошло его название — Джунгария)⁸⁷. Все эти прежние идентичности в новой ситуации оказались бесполезными и быстро исчезли.

По мере того, как политическое и военное влияние калмыков-мусульман падало, их место в иерархии узбекских племён снижалось. Это видно

⁸⁴ См.: Обзор Ферганской области за 1888 год. Нов. Маргелан. б. г. С. 13; Статистический обзор Ферганской области за 1909 год. Приложение 3. Ведомость о населении Ферганской области по национальностям за 1909 год. Скобелев, 1910; Статистический обзор Ферганской области за 1910 год. Приложение 3. Ведомость о населении Ферганской области по национальностям за 1910 год. Скобелев, 1912; Материалы Всероссийских переписей. С. 57.

⁸⁵ Большое число джунгаров приняло ислам в Кашгарии (*Кутлуков М.* Взаимоотношения Цинского Китая с Кокандским ханством // Китай и соседи в новое и новейшее время. М., 1982. С. 70).

⁸⁶ Материалы по истории киргизов и Киргизии. Вып. 1. М., 1973. С. 203, прим. 11.

⁸⁷ См.: *Мияваки-Окада Дж.* Джунгарское ханство, которое не было ханством // *Altaica* III. М., 1999. С. 60–61; *Чвырь Л. А.* Современные результаты этнических процессов в Восточном Туркестане // Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье: этнос, языки, религии. М., 1992. С. 415–417.

из сравнения перечней племён, относящихся к Ферганской долине. Так, один из них приводится в сочинении «Маджму ат-таварих»⁸⁸. Само сочинение было написано в XVI в., но последние его списки датируются рубежом XVIII–XIX вв. и, видимо, к этой же эпохе надо отнести составление самого перечня племён. Это подтверждается тем, что на почётном первом месте находится племя «минг», на втором — племя «юз», на третьем — племя «кырк». Все они возвысились в Фергане лишь в XVIII в. В одном из списков «Маджму ат-таварих» калмыки занимают высокое 11-е место, сразу после «кыпчаков», в другом списке — 16-е место. В сочинении «Тухфат ат-таварих-и хани», написанном в середине XIX в., ферганские калмыки отодвинуты на 69-е место⁸⁹, что явно указывает на резкое снижение их веса в политической жизни Кокандского ханства.

Утрата прежних позиций и привилегий привела в итоге к тому, что в XIX в. калмыки стали быстро растворяться среди окружающего населения. Часть из них «осартилась», т.е. стала заниматься земледелием и торговлей, перешла к оседлому образу жизни. Эта группа в некоторых районах современного Кыргызстана сохранялась какое-то время под именем «сарт-калмыки»⁹⁰. От окружающего населения они отличались только сильно монголоидными чертами лица и смутными воспоминаниями о своём происхождении. Часть калмыков сохранила кочевой образ жизни и под тем же именем «калмок» вошла в состав кыргызов (кроме того, в родо-племенной структуре кыргызов известно довольно большое по численности объединение «монголдор», корни которого также, видимо, связаны с монголоязычными группами XVI–XVII вв.)⁹¹. Перепись 1890 г. в Миндоне не зафиксировала «калмыков», потому что к этому времени они либо уже находились в составе кыргызов, либо, с точки зрения сборщиков информации, превратились в «сартов».

⁸⁸ Материалы по истории киргизов. С. 210–213.

⁸⁹ Там же. С. 210–213

⁹⁰ См.: Решетов А. М. Калмыки в Средней Азии // Краткое содержание докладов среднеазиатско-кавказских чтений. Вопросы этносоциальной и культурной истории Средней Азии и Кавказа. Апрель 1983 г. Л., 1983. С. 5.

⁹¹ См.: Абрамзон С. М. Этнический состав киргизского населения северной Киргизии // Труды киргизской археолого-этнографической экспедиции. Вып. 4. М., 1960. С. 90; Винников Я. Р. Родо-племенной состав и расселение киргизов на территории Южной Киргизии // Труды киргизской археолого-этнографической экспедиции. Т. 1. М., 1956. С. 142; Валиханов Ч. Ч. О состоянии Алтышара. С. 199; Абрамзон С. М. Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи. Л., 1971. С. 28, 34, 51; Решетов А. М. Калмыки в Средней Азии. С. 5; Жуковская Н. Л. Иссык-Кульские калмаки (сарт-калмаки) // Этнические процессы у национальных групп Средней Азии и Казахстана. М., 1980. С. 157–158.

Кашгарцы

Как уже говорилось, начало формирования миндонского населения относится к началу XVIII в. Во второй половине XVIII и в XIX вв. этот процесс продолжился и был связан с переселением кашгарцев («кашгарлык»), выходцев из Кашгарии (этот регион имеет в литературе разные названия — «Моголия», «Восточный Туркестан», «Малая Бухария», «Синьцзян»).

По сообщению миндонского жителя А. Ахмадалиева (1920 г. рождения), его родословная выглядит так: отец — Ахмадали, дед — Мумин, отцом которого был Асьёр, отцом которого был Матмуса, предки которого были родом из Кашгара. Отцом другого миндонца — Умара (примерно 1950 г. рождения) был Абдулло, отцом которого был Асадулло, отцом которого был Самс, отец которого Мараим со своим родственником Матмусой поселились в Миндоне в первой половине XIX в. (если считать на одно поколение 30 лет). Факт переселения в этот района выходцев из Кашгарии косвенно подтверждается свидетельством В. А. Парфентьева, который привёл предания жителей соседнего с Миндоном селения Вуадыль о том, что среди их предков есть «хина» — переселенцы из Кашгарии, пришедшие сюда после восстания Джахангир-туры против китайцев в 1840-е гг.⁹²

Надо сказать, что на протяжении XVIII–XIX вв. было несколько крупных переселенческих волн из Кашгарии. Значительная миграция была на рубеже XVII–XVIII вв., когда существовавшее там государство Моголия, в котором правила династия Чагатаидов, было охвачено ожесточёнными междоусобными войнами, завершившимися подчинением региона Джунгарскому государству. В середине XVIII в. последнее пало под натиском Цинской империи, что спровоцировало новую волну переселений мусульман. Основной поток беженцев направился в Ферганскую долину. Выше уже упоминалось, что в конце 1750-х гг. из Кашгарии мигрировало в Фергану 9 тыс. семей, т.е. около 40 тыс. кашгарцев и калмыков. В начале XIX в. потомки этих мигрантов уже считались коренными жителями Ферганы и, судя по всему, утеряли воспоминания о своём происхождении⁹³.

На протяжении всего XIX в. массовая миграция кашгарцев в Среднюю Азию продолжалась. Войны мусульманского населения против китайцев, которые неизменно заканчивались поражениями, сопровождалась разными по масштабам переселениями. Такие переселения были в 1816, 1820, 1826–27, 1830, 1847, 1857–58, 1877 гг. Так, по данным Мирза-Шемси-Бухари, перед вторжением кокандских войск в Кашгарию в 1830 г. «...В Ко-

⁹² Парфентьев В. А. Селение Вуадыль. С. 59.

⁹³ Губаева С. С. Этнический состав населения Ферганы в конце XIX — начале XX в. (этнокультурные процессы). Ташкент, 1991. С. 86–88; Губаева С. С. Население Ферганской долины. С. 82–91.

канде проживало <...> от десяти до двенадцати тысяч Кашгарцев...»⁹⁴. После поражения очередного восстания в 1830 г. в Фергану переселилось до 70 тыс. человек⁹⁵. Ч. Валиханов уточнил, правда, что 25 тыс. человек вернулись потом обратно⁹⁶. В 1847 г. из Кашгара мигрировало более 20 тыс. человек⁹⁷, которые, по сведениям хроник, большей частью погибли в холодное время в горах⁹⁸. В 1857 г. после поражения Вали-хан-туры из Кашгара мигрировало до 15 тыс. человек⁹⁹. В 1877 г. китайцы разгромили государство Етти-шаар, которое около одного десятилетия просуществовало на освобождённой от «неверных» территории Кашгарии, после чего вновь «...тысячи жителей с семьями...» бежали в Среднюю Азию¹⁰⁰: как написано в рапорте русского чиновника, «...в конце 1877 года в наши пределы эмигрировали <...> около 12 тысяч человек кашгарцев и дунган. Из них около 7 тыс. направилось в Семиреченскую область <...>, а остальные пришли через г. Ош в Ферганскую область...»¹⁰¹.

По данным Валиханова, кашгарцы жили в середине XIX в. в деревнях около Андижана, Шахрихана, Карасу общим числом 50 тыс. семейств (или человек?)¹⁰². Тот же Валиханов приводит другую цифру — в середине XIX в. в Ферганской долине жили 300 тыс. выходцев из Кашгарии¹⁰³. Согласно сообщению 1868 г. Муллы-Мусульмана, в Ферганской долине, в основном около Андижана, жили до 70 тыс. кашгарцев¹⁰⁴. К сказанному

⁹⁴ О некоторых событиях в Бухаре, Хоканде и Кашгаре. Записки Мирзы-Шемса Бухари, изданные В. В. Григорьевым. Казань, 1861. С. 36.

⁹⁵ См.: Валиханов Ч. Ч. О состоянии Алтышара, или Шести восточных городов китайской провинции Нан-лу (Малой Бухарии), в 1858–1859 годах // Валиханов Ч. Ч. Избранные произведения. М., 1987. С. 156; Григорьев В. Комментарии // О некоторых событиях в Бухаре, Хоканде и Кашгаре. Записки Мирзы-Шемса Бухари, изданные В. В. Григорьевым. Казань, 1861. С. 106. По другим данным — 70 тыс. семей (Обозрение Кокандского ханства в нынешнем его состоянии // Записки Русского географического общества. Т. 3. СПб., 1849. С. 196).

⁹⁶ Валиханов Ч. Ч. О западном крае китайской империи [Кашгарский дневник-2] // Валиханов Ч. Ч. Собрание сочинений в пяти томах. Т. 2. Алма-Ата, 1962. С. 220.

⁹⁷ По другим источникам — 100 тыс. человек (Куропаткин А. Н. Кашгария. Историко-географический очерк страны, её военные силы, промышленность и торговля. СПб., 1879. С. 121).

⁹⁸ Валиханов Ч. Ч. О состоянии Алтышара. С. 159.

⁹⁹ Там же. С. 164. См. также: Наливкин В. Краткая история. С. 185. По другой информации — 15 тыс. семей (Куропаткин А. Н. Кашгария. С. 125).

¹⁰⁰ Там же. С. 215–216.

¹⁰¹ ЦГА РУ, ф. 1, оп. 11, д. 205, л. 16.

¹⁰² Валиханов Ч. Ч. О состоянии Алтышара. С. 190.

¹⁰³ Валиханов Ч. Ч. [Записки об организации поездки в Кашгар] // Валиханов Ч. Ч. Собрание сочинений в пяти томах. Т. 2. Алма-Ата, 1962. С. 172.

¹⁰⁴ Бабабеков Х. И. Народные движения в Кокандском ханстве. С. 7.

надо добавить, что некоторое число выходцев из Кашгарии поселилась в других районах Средней Азии: по письменным и этнографическим данным следы их пребывания можно найти в Ташкенте, Канибадаме, Ходженте, Самарканде и его окрестностях, Бухаре, Каратегине, Дарвазе, Гиссаре, Хорезме и т. д.¹⁰⁵

Особенно тесной была связь Кашгара с Ферганской долиной. Кашгарцы и ферганцы (назовём так условно коренное оседлое население Ферганской долины) на протяжении столетий мигрировали из Ферганы в Кашгар и обратно. Подсчитать, сколько приходило и сколько уходило, и тем более выяснить, кто действительно был по происхождению кашгарцем, а кто — ферганцем, совершенно невозможно. В этой связи стоит сказать, что кашгарцы и ферганцы, в силу особой культурной и языковой близости друг к другу, в случае миграции очень легко расставались с воспоминаниями о своей прежней родине и быстро превращались из кашгарцев в ферганцев и из ферганцев в кашгарцев — и так неоднократно. Физический переход из Кашгарии в Ферганскую долину не становился культурным «шоком», как это могло быть у калмыков, принимавших ислам, и кашгарская миграция не оставляла даже следов. Например, по сведениям, датированным 1840-ми гг., «...Город Шегерихан <...> и его окрестности почти исключительно населены Кашгарцами. Их считают тут 20000 семей в одном месте...»¹⁰⁶. В 1890 г. в Шахриханской волости российские власти насчитали чуть более 600 кашгарцев из более, чем 4200 человек¹⁰⁷.

В этой связи интересное явление отметили специалисты по узбекскому языку в северной части Ферганской долины. Ни письменные источники, ни топонимия, ни воспоминания информаторов ничего не говорят о переселении сюда выходцев из Кашгара. Но именно в некоторых кишлаках около г. Намангана был обнаружен «уйгуризированный» (т. е. с сильным кашгарско-таранчинским влиянием) диалект узбекского языка¹⁰⁸. Парадокс

¹⁰⁵ См.: Маллицкий Н. Г. Ташкентские махалля и мауза // В. В. Бартольд. Туркестанские друзья, ученики и почитатели. Ташкент, 1927. С. 113; Решетов А. М. Уйгуры в Таджикистане // Этническая история и традиционная культура народов Средней Азии и Казахстана. Нукус, 1989. С. 195; Абрамов М. Гузары Самарканда. Ташкент, 1989. С. 34; Кармышева Б. Х. Очерки этнической истории южных районов Таджикистана и Узбекистана (по этнографическим данным). М., 1976. С. 166; Кисляков Н. А. Очерки по истории Каратегина. К истории Таджикистана. Сталинабад, 1954. С. 38, 89; Таджики Каратегина и Дарваза. Вып. 1. Душанбе, 1966. С. 55; Валиханов Ч. Ч. О западном крае китайской империи [Кашгарский дневник-2] // Валиханов Ч. Ч. Собрание сочинений в пяти томах. Т. 2. Алма-Ата, 1962. С. 222.

¹⁰⁶ Обозрение Кокандского ханства в нынешнем его состоянии. С. 196.

¹⁰⁷ ЦГА РУ, ф. 23, оп. 1, д. 532, л. 231 об. — 233.

¹⁰⁸ См.: Боровков А. К. К характеристике узбекских «умлаутных» или «уйгуризованных» говоров // Белек С. Е. Малову. Фрунзе, 1946; Поливанов Е. Д. Узбекская

состоит в том, что в соседних кишлаках, где проживали кашгарцы, этого диалекта не было. В. В. Решетов писал, что этот диалект — не продукт влияния новоуйгурского языка, а продукт развития элементов уйгурского языка в составе наманганского говора¹⁰⁹. О. А. Сухарева и М. А. Бикжанова высказали предположение, что уйгуризированный говор в Наманганской области — это результат общего происхождения, а не переселения¹¹⁰. Я думаю, что этот говор остался у ранних переселенцев из Кашгарии (XVII — начала XVIII вв.), которые потеряли своё самосознание, но которые, видимо, жили очень изолировано (по сравнению с более поздними переселенцами-кашгарцами, небольшими группами расселявшимися по всей Средней Азии), что и позволило сохраниться их диалекту. В этой связи можно вспомнить легенду о том, что г. Наманган был основан в конце XVI в. и его первыми поселенцами были иранцы и представители рода «ага» из Кашгара¹¹¹ («ага», как выяснила С. С. Губаева, — группа кашгарских цыган¹¹²). Заслуживает в этой связи также краткое упоминание А. Ф. Миддендорфа о том, что «...лет 200 тому назад [т. е. в конце XVII в., поскольку эти строки писались на рубеже 1870–1880-х гг. — С. А.] из Кашгара в Наманган переселились 200 семейств...»¹¹³.

Отдельные выходцы из Кашгара входили в элиту Кокандского ханства и даже сохраняли прозвище «таглык» или «кашгарец». В начале XIX в. из них состоял особый отряд «таглыков»¹¹⁴. Влиятельным сановником при Умар-хане был Юсуф-мингбаши-Кашгари (или Юсуф-таглык), на дочери которого был женат Мадали-хан¹¹⁵. Большую роль при дворе кокандских ханов играли духовные лица, к числу которых относилось большое, в несколько сотен человек, семейство кашгарских ходжей¹¹⁶. Одной из жён Худояр-хана была дочь кашгарца¹¹⁷. К выходцам из Кашгара

диалектология и узбекский литературный язык (К современной стадии узбекского языкового строительства). Ташкент, 1933. С. 9, 20, 21–22.

¹⁰⁹ Решетов В. В. О наманганском говоре узбекского языка // Сборник Академику В. А. Гордлевскому к его 75-летию. М., 1953. С. 218.

¹¹⁰ Сухарева О. А., Бикжанова М. А. Прошлое и настоящее селения Айкыран (опыт этнографического изучения колхоза им. Сталина Чартакского района Наманганской области). Ташкент, 1955. С. 26.

¹¹¹ Решетов В. В. О наманганском говоре. С. 217.

¹¹² Губаева С. С. Население Ферганской долины. С. 91–96.

¹¹³ Миддендорф А. Ф. Очерки Ферганской долины. СПб., 1882. С. 408.

¹¹⁴ Бейсембиев Т. К. «Тарих-и Шахрухи». С. 80, прим. 64.

¹¹⁵ Там же. С. 80, прим. 64, С. 105.

¹¹⁶ Валиханов Ч. Ч. О состоянии Алтышара. С. 188–190. См. также: *Paras A. Soufisme et politique entre Chine, Tibet et Turkestan: Etude sur les Khwajas paqshbandis du Turkestan oriental*. Paris: Librairie d’Amerique et d’Orient, 2005.

¹¹⁷ Алибеков М. Домашняя жизнь последнего кокандского хана Худояр-хана // Ежегодник Ферганской области. Т. 2. Нов. Маргелан, 1903. С. 93.

принадлежали военачальник Юнус-таглык, влиятельный чиновник при Худояр-хане — Иса-Авлия¹¹⁸, а также, по одной из версий, поднявший восстание против русских в 1898 г. Дукчи-ишан. Однако кашгарская идентичность и в этих случаях была очень слабой и не всеми источниками фиксируемой.

Подобно «калмыкам» выходцы из Кашгара у себя на родине не представляли единого целого и не использовали имя «кашгарец» в качестве общего самоназвания. Об этом писал путешественник М. В. Певцов: «...Кашгарский народ не именуется никаким общим названием...»¹¹⁹. В культурном, хозяйственном и даже языковом отношении население Кашгарии состояло из множества самых разных групп и слоёв, имевших свои собственные имена или прозвища. Чокан Валиханов, побывавший в 1858–1859 гг. в этой стране, писал: «...Туземные жители Малой Бухарии [т. е. Кашгарии — С. А.] общего народного имени не имеют, а называют себя по городам — кашгарлык (кашгарец), хотанлык (хотанец), комуллык (комульский житель) и проч. — или просто ерлик (туземец)...»¹²⁰. Значительную группу составляли «чалгурты», «...смешанная порода, происходящая от иностранцев и туземных женщин...», они «...по языку, жительству принадлежат Малой Бухарии, и все они — лучшие патриоты...»¹²¹. Здесь жили также «лобнорцы» («потомки древних уйгуров») около озера Лобнор и полукочевое племя «нюгейты»¹²². В ряде районов страны проживала группа «долон», члены которой были то ли отюреченными монголами, то ли осевшими казаками или кыргызами¹²³. Наконец, в Кашгарии имелось население, говорящее на восточноиранских диалектах (сарыкольцы, ваханцы и другие) и родственное горцам Западного Памира¹²⁴.

Лишь за пределами региона — в Средней Азии — Малую Бухарию называли «Кашгарией», а всех восточнотуркестанцев — «кашгарцами», хотя это были названия лишь одной из областей — города Кашгар и его жителей. Но и это не было единственным их именем. Как уже говорилось, выходцев из Кашгарии могли называть «хина», т. е. китайцами или выходцами из Китая. В конце XVIII в. выходцев из Кашгарии называли «таглык» (т. е. горец)¹²⁵, а в конце XIX в. — «ахун»¹²⁶. Наконец, переселённых китай-

¹¹⁸ Наливкин В. Краткая история. С. 205.

¹¹⁹ Певцов М. В. Путешествие в Кашгарию и Кунь-лунь. М., 1949. С. 113.

¹²⁰ Валиханов Ч. Ч. О состоянии Алтышара. С. 167.

¹²¹ Там же. С. 168, 169.

¹²² Там же. С. 167–168.

¹²³ Там же. С. 167. См. также: Чвырь Л. А. Современные результаты этнических процессов. С. 410.

¹²⁴ Чвырь Л. А. Современные результаты этнических процессов. С. 419–424.

¹²⁵ Валиханов Ч. Ч. О состоянии Алтышара. С. 186.

¹²⁶ «Ахунами» у кашгарцев назывались мусульманские духовные лица, но в Фергане так стали называть с середины века всех кашгарцев.

цами в бассейн р. Или в конце XVIII в. выходцев из различных областей Кашгарии называли «таранчи». Кашгарцев называли также «сартами»¹²⁷.

Таджики

Последнюю — и, судя по данным 1890 г., самую крупную — группу переселенцев в Миндон составили «таджики», т.е. выходцы из горных районов нынешнего южного Таджикистана (и северо-восточного Афганистана) — Каратегина, Дарваза и т.д.

Вот что, например, рассказывал о своей генеалогии один из миндонских жителей — Х. Солиев (1942 г. рождения): его отец — Соли, отцом которого в свою очередь является Дадабой, отец которого Бувабой пришёл из Каратегина и поселился в Миндоне, что произошло, если судить по числу поколений, примерно в 1880–1890-е гг. Родословная другого миндонца — Т. Гозиева (1904 г. рождения) выглядит следующим образом: его отец — Гози, отцом которого был Абдурахмон, выходец из Каратегина. Дед Т. Гозиева поселился в Миндоне, видимо, в 1860–1870-е гг. Подобного рода генеалогий в Миндоне можно услышать очень много. Кроме того, есть и другие свидетельства влияния выходцев с юга на культуру местного населения. Следы иранского языка очень заметны в фонетике и лексике местного «узбекского» говора, где можно встретить необычайно много таджикских слов и характерное «оканье» при произношении тюркских слов.

Факт переселения в южную часть Ферганы большого числа выходцев из Каратегина подтверждается словами А. П. Федченко, который накануне русского завоевания побывал в районе селения Вуадыль и писал: «...Местность эта сравнительно недавно стала заселяться оседлыми жителями. Эти поселенцы преимущественно выходцы из Каратегина...»¹²⁸. Французский учёный Уйфальви, который в 1877 г. проезжал в этой части Ферганы (селения Каптархана, Вуадыль, Шахимардан, Уч-курган и др.), писал, что здесь живёт много таджиков, причём довольно «чистого» иранского типа (в том числе в Вуадыле он встретил десяток таджиков-торговцев с границы Дарваза и Гиссара)¹²⁹. Об этом говорят и данные этнографа С. С. Губаевой, которая проводила в этих районах свои исследования¹³⁰. Известно также,

¹²⁷ Яворский И. Л. Опыт медицинской географии и статистики Туркестана. Ч. 1. СПб, 1889. С. 364–365.

¹²⁸ Федченко А. П. В Кокандском ханстве // Федченко А. П. Путешествие в Туркестан. М., 1950. С. 339.

¹²⁹ *De Ujfaluy de Mezö-Kövesd Ch. E. Expedition scientifique française en Russie, en Sibirie et dans le Turkestan. [Vol.1.] Le Kohistan, le Ferghanah et Kouldja avec un appendice sur la Kashgarie.* Paris, 1878. P. 68.

¹³⁰ См.: Губаева С. С. Этнический состав населения Ферганы. С. 78–79; Губаева С. С. Население Ферганской долины. С. 61; Губаева С. С. Горные таджики Каратегина. С. 87–88, 90–91.

что в селении Уч-курган, недалеко от Вуадыля и Миндона, в XIX в. жили представители правящих династий Каратегина и Дарваза, вынужденные покинуть родину в результате междоусобных войн.

Переселенцев из Каратегина и других горных районов современного Таджикистана в XVIII–XIX вв. называли «гальча» и «кухистани», что буквально означает «горцы». Кроме того, их называли «таджиками». Об этом термине, который и был отмечен переписью 1890 г. в Миндоне, надо сказать подробнее.

В исторической и этнографической литературе с конца XIX в. принято все ираноязычные народы Средней Азии именовать термином «таджик», вкладывая в него этническое значение. Между тем, как писал В. В. Бартольд, в XIX и даже в начале XX вв. «...Само население по-разному употребляло слово таджик...»¹³¹. Об этом же писал другой известный специалист по региону — М. С. Андреев: «...можно отметить некоторую неравномерность в толковании того, кто именно таджик и кто не таджик в различных местах Средней Азии...»¹³². Так, по сведениям Андреева, в городе Ходжент старики называли себя «сартами», а «...Настоящими же таджиками они были склонны считать горцев (напр., в Матче, Дарвазе)...»¹³³.

Сведения историков и этнографов совпадают со сведениями письменных источников по истории Кокандского ханства, в которых «таджиками» до прихода русских называли исключительно выходцев из нынешних горных районов южного Таджикистана и северо-восточного Афганистана¹³⁴. В начале XIX в. «...выходцы из горного Таджикистана <...> и их потомки <...> пополняли, как правило, военное сословие...»¹³⁵. В частности, из таких «таджиков» состоял особый, численностью в 5–6 тыс. человек, военный отряд при кокандских правителях¹³⁶. Среди знати Кокандского ханства были известны выходцы из горных районов — читралец Лашкар-кушбеги, Раджаб-кушбеги-Кухистани и его сын Бава-Раим-инак, Шады-мингбаши,

¹³¹ Бартольд В. В. Таджики (из «Энциклопедии ислама») // Бартольд В. В. Сочинения. Т. 2. Ч. 1. Общие работы по истории Средней Азии. Работы по истории Кавказа и Восточной Европы. М., 1963. С. 470.

¹³² Андреев М. С. По этнографии таджиков. Некоторые сведения. Ташкент, 1925 (отд. отт.). С. 156.

¹³³ Там же. С. 157. Возможно, об этом же говорит свидетельство этнографа Р. Р. Рахимова, который пишет, что даже современные таджики Ходжента и Канибадама «Таджикистаном» называют южные или горные области республики (Рахимов Р. Р. К вопросу о современных таджикско-узбекских международных отношениях // Советская этнография. 1991, № 1. С. 23, прим. 16).

¹³⁴ Бейсембиев Т. К. «Тарих-и Шахрухи». С. 27.

¹³⁵ Там же. С. 17.

¹³⁶ Бейсембиев Т. К. «Тарих-и Шахрухи». С. 80–81.

военачальники-каратегинцы Зинат-шах, Канаат-шах-таджик и его брат Дауран-бек-дадхак, а также представители духовенства — ваханцы Мухаммад-Нур-Ходжа-ишан и его сын Мумин-Ходжа-таджик¹³⁷. Среди жён кокандских ханов были дочери каратегинских, дарвазских, шугнанских правителей¹³⁸.

Местные ираноязычные группы населения, которые уже давно жили в Ферганской долине, «таджиками», видимо, не именовались (возможно, их называли «аймак», о чём говорилось выше). Об этом косвенно говорит, например, высказывание А. Куна, который посетил Кокандское ханство в 1870-е гг. Он писал, основываясь на показаниях местных чиновников, что «...Таджики, исключительно населяя южную и западную части ханства, редко образуют отдельные поселения...»¹³⁹. Примерно то же самое говорил казак Максимов, который жил 11 лет в Кокандском ханстве: «...К югу от Кокана живут Голчи и Каратыгин, горный народ, исповедующий мусульманскую веру и говорящий другим языком “таджик”...»¹⁴⁰. Оба исключили из числа «таджиков» по преимуществу ираноязычное население целого ряда крупных селений западной и северной Ферганы (Риштан, Канибадам, Пангаз, Ашт, Чуст, Касан и другие). Всего в Ферганской долине в конце XIX в. русскими источниками было зафиксировано около 100 тыс. таджиков¹⁴¹.

Нечто похожее было и в других регионах Средней Азии. Так, по словам этнографа О. А. Сухаревой, «...в Бухаре не менее достоверным и просто установленным нашими материалами фактом является употребление термина “таджик” для обозначения фарсов — иноплеменного, не местного по своему происхождению населения...», тогда как ираноязычные бухарцы-сунниты называют себя «узбеками» и «...Этот факт неоспорим...»¹⁴².

Иначе говоря, как и в случае с калмыками, имя «таджик», данное выходцам из горных районов современного Таджикистана и Афганистана (и Пакистана), не являлось самоназванием. Например, жители горных райо-

¹³⁷ Там же. С. 82, 101. См. также: *Наливкин В.* Краткая история. С. 106, 116, 157.

¹³⁸ См.: *Алибеков М.* Домашняя жизнь. С. 93; *Корытов Н. П.* Самозванец Пулат-хан // Ежегодник Ферганской области. Нов. Маргелан, 1902. С. 21.

¹³⁹ *Кун А.* Очерки Кокандского ханства // Известия Императорского Русского географического общества. Т. 12. Вып. 1. СПб., 1876. С. 63.

¹⁴⁰ [Потанин Гр.] Показания сибирского казака Максимова о Кокандском владении // Вестник Императорского Русского географического общества. Ч. 28. № 3. СПб., 1860. С. 67.

¹⁴¹ См.: *Бушков В. И., Зотова Н. А.* Сельское население Наманганского уезда на рубеже XIX–XX веков (по статистическим данным) // Ферганская долина: этничность, этнические процессы, этнические конфликты. М., 2004.

¹⁴² *Сухарева О. А.* Бухара. XIX – начало XX в. С. 125, 126.

нов современного Таджикистана, говоря о своём происхождении, в первую очередь подчёркивали свою принадлежность к регионам (отдельным горным «княжествам»): Каратегин населяли «каратегинцы» (каратегини, каратегинлик), Дарваз — «дарвазцы» (дарвази, дарвазлик), Куляб — «кулябцы» (куляби), Матчу — «матчинцы» (матчаи) и т. д. На Западном Памире проживало несколько групп, говорящих на различных восточноиранских языках и исповедующих исмаилизм — шугнанцы, ваханцы, рушанцы, ишканимцы и др. Имело значение для горцев и предшествующее происхождение (если оно как-то подчёркивало статус человека): в том же Каратегине были выходцы из Самарканда, Бухары, Кашгара, сюда переселялись узбеки, кыргызы, дарвазцы и другие группы¹⁴³. Все эти локальные группы иногда довольно существенно отличались друг от друга, но за пределами своей родины воспринимались нередко как одно сообщество.

Таким образом, в Ферганской долине в XVIII–XIX вв. имя «таджик» могло означать в зависимости от контекста «горец», «шиит», «человек, говорящий на фарси», «дикарь». К тому же это имя было не единственным, а лишь одним из нескольких, использовавшихся для обозначения указанной категории мигрантов. Как и в случае с сартами, калмыками и кашгарцами, категория населения Средней Азии, которую постоянно или эпизодически называли «таджиками», не образовывала какую-то одну общность с едиными культурными признаками (и даже единым языком), общими воспоминаниями и, тем более, общим чувством единства и родства.

Миграции в Фергану

Итак, во второй половине XIX в. население кишлака Миндон состояло из четырёх основных групп, перечисленных мною выше. Экскурс в историю Средней Азии и Ферганской долины позволяет примерно судить о том, откуда каждая из этих групп пришла, когда и при каких обстоятельствах. В начале XVIII в., видимо, появились выходцы из округа Самарканда, где-то в середине XVIII в. переселились калмыки, в первой половине XIX в. — кашгарцы, во второй половине XIX в. — таджики.

Похожая картина была по всей Фергане. «Смута» XVI–XVII вв., когда долина подвергалась с запада и севера нашествиям узбекских и казахских войск, с юга и востока — походам дарвазско-каратегинских и могольских правителей, в XVIII в. закончилась. Предводители узбекского племени минг сумели укрепить свою власть, победить конкурентов и объединить силы для создания нового централизованного государства. Относительная

¹⁴³ См.: *Таджики Каратегина и Дарваза.* Вып. 1. Душанбе, 1966.

стабильность на фоне конфликтов у соседей способствовала тому, что население Ферганы в XVIII в. стало увеличиваться, в первую очередь — за счёт притока мигрантов. Структура миграции в Ферганскую долину примерно соответствовала той картине, которую можно наблюдать в Миндоне. Так, по свидетельству письменных источников, в начале XVIII в. население города Коканд — будущей столицы — делилось на четыре группы: «кухистани» (выходцы из горных районов современного Таджикистана), «джанкати» (выходцы из Джанкента?), «самарканди» (выходцы из Самарканды), «кашгари» (выходцы из Кашгарии)¹⁴⁴.

В начале XIX в. правящая династия из племени минг приняла титул «хан» и тем самым было окончательно оформлено новое государство — Кокандское ханство. Кокандские правители сумели подчинить себе Ташкент, Ходжент и Ура-Тюбе, Каратегин и Дарваз, горные районы Тянь-Шаня, совершить удачные походы в Кашгарию. В самой долине проводилось крупномасштабное строительство ирригационных сооружений и освоение новых земель¹⁴⁵. Численность ферганского населения продолжала быстрыми темпами возрастать.

Здесь я напомним результаты китайской переписи Ферганской области, датированные второй половиной XVIII в. Как говорит Т. К. Бейсембиев, численность населения в 1760 г. (по данным китайских источников) составляла: Коканд — 20 тыс. семей, Маргилан — 20 тыс. семей, Наманган — 10 тыс. семей, Андижан — 1 тыс. семей¹⁴⁶. Почти такие же сведения приводил Иакинф по китайскому источнику 1773 г.: Кокан (Коканд) — 30 тыс. домов; Маргилан — 20 тыс. домов, Найман (Наманган) — 10 тыс. домов, Аньзичжан (Андижан) — 1 тыс. домов¹⁴⁷. Речь, разумеется, шла не о городах, а о городах и областях: один русский автор позднее писал, что местные жители «...на вопрос: сколько жителей находится в том или другом городе, всегда дают цифру города и относящихся к нему деревень...»¹⁴⁸. Если принять, что в доме жило в среднем 4–5 человек (эту цифру установили российские власти применительно в середине XIX в.), то получается, что в 1760–1770-е гг. в Кокандском округе было 80–100 тыс. человек (или 120–150 тыс.), в Маргиланском округе — 80–100 тыс., в Наманган-

ском округе — 40–50 тыс., в Андижанском округе — 4–5 тыс. человек. Таким образом, если верить китайцам, в Ферганской долине во второй половине XVIII в. проживало от 200 до 300 тыс. оседлых жителей (не считая кочевников, которых могло быть, учитывая пропорции середины XIX в., до 100–150 тыс. человек).

Эти данные выглядят вполне реалистично, если принять во внимание многочисленные этнографические и исторические свидетельства, согласно которым основные процессы освоения территории Ферганы происходили в первой половине XIX столетия. В. П. Наливкин, который пытался восстановить картину расселения в Фергане в XVI–XVII вв., писал, что тогда не существовало города Коканда и большей части селений Кокандского оазиса, не существовало Намангана и Чуста, не была заселена южная часть Наманганского округа, не существовало большей части кишлаков на границе Андижанского и Маргиланского округов (между Балыкчи, Шариханом, Ассаке и Андижаном), не существовало кишлаков в районе между Нарыном и Карадарьей¹⁴⁹. Иначе говоря, оседлая жизнь имела место только в предгорьях Ферганской долины и нескольких крупных городах, да и те были относительно небольшими, численность их жителей вряд ли превышала 5–15 тыс. человек. Большая часть равнины, которая к середине XIX в. стала густонаселённой территорией, ещё в начале XVIII в. представляла собой пустыни, степи и болота.

Рост населения и освоение Ферганы происходило не столько за счёт естественного прироста, сколько за счёт миграции. Если согласиться с тем, что во второй половине XVIII в. в Фергане было примерно 300–400 тыс. человек, то выходит, что за 100 лет — к моменту русского завоевания долины — население выросло в 2–3 раза. В 1870–1880-е гг. общая численность ферганского населения составляла около 1 млн. человек, в том числе примерно 3/4 — оседлое население¹⁵⁰. Естественный прирост к моменту

¹⁴⁹ См.: *Наливкин В. П.* Краткая история.

¹⁵⁰ На это указывают, в частности, свидетельства современников (см.: Обзорение Кокандского ханства. С. 191; *Кун А.* Очерки Кокандского ханства. С. 63; Сборник статей касающихся до Туркестанского края А. П. Хорошхина. СПб., 1876. С. 42). Статистические расчёты подтверждают эти цифры: в 1897 г. в Ферганской области проживало около 1,5 млн. человек (Всеобщая перепись населения 1897 года. Т. 89. Ферганская область. СПб., 1904. С. 1), а население с 1870–1875 гг. могло увеличиться не более, чем на 160 % (см. расчёты по Ходжентскому уезду: *Бушков В. И.* Население Северного Таджикистана. С. 191, таблица 6г). Существуют оценки, которые называют другую цифру численности ферганского населения к 1870 г. — около 600–700 тыс. человек (Кокандское ханство по новейшим известиям. С. 71; *Костенко Л. Ф.* Туркестанский край. Опыт военно-статистического обозрения Туркестанского военного округа. Т. 1. СПб., 1880. С. 378; Проект всеподданнейшего отчёта Ген. — Адъютанта К. П. фон-Кауфмана по гражданскому

¹⁴⁴ *Бейсембиев Т. К.* «Тарихи-и Шахрухи». С. 9.

¹⁴⁵ *Батраков В. С.* Характерные черты сельского хозяйства Ферганской долины в период Кокандского ханства // Труды Среднеазиатского государственного университета. Новая серия. Вып. 62. Гуманитарные науки. Кн. 8. История. Ташкент, 1955.

¹⁴⁶ *Бейсембиев Т. К.* «Тарих-и Шахрухи». С. 13.

¹⁴⁷ Описание Чжунгарии и Восточного Туркистана в древнем и нынешнем состоянии. Переведено с китайского монахом Иакинфом. Ч. 2. СПб., 1829. С. 149.

¹⁴⁸ Кокандское ханство по новейшим известиям // Военный сборник. Год 12, июль 1869, № 5. С. 72.

русского завоевания оценивается специалистами примерно в 0,3 % в год, а значит, естественным образом население могло возрасти за столетие на 40 %, т.е. до 420–560 тыс. человек. Разницу в 400–600 тыс. человек составили мигранты и их потомки. Учитывая, что большой миграционный прирост в Фергане фиксируется и в первой половине XVIII в., до китайской переписи, то получается неожиданный вывод: *за два столетия — в XVIII–XIX вв. — население Ферганы сложилось практически заново.*

На формирование ферганского населения в XVIII–XIX в. оказали огромное влияние несколько миграционных волн. В состав оседлого населения вошли, конечно, осевшие кочевники — узбеки, кыргызы, кипчаки, калмыки и др. Ещё в XIX в. А. Вамбери писал, что «...киргызы, кипчаки и калмыки, едва поселившись в городах, обычно отказываются от своей национальности и называют себя узбеками [здесь Вамбери имеет в виду основное оседлое население Ферганы — С.А.]. Так издавна повелось в Коканде, и можно без преувеличения сказать, что половину людей, именующих себя узбеками, скорее всего надо считать по национальности смесью упомянутых номадов...»¹⁵¹. Эту точку зрения поддержали другие учёные и до сих пор она является господствующей. На мой же взгляд, доля осевших кочевников в составе оседлого населения Ферганской долины в XIX в. была невысокой, а массовое оседание некоторых кочевых народов произошло позднее — на рубеже XIX–XX и в первой четверти XX вв. Главными же источниками пополнения ферганского населения в XIX в. были выходцы из горных районов современного Таджикистана и из Кашгарии.

В разных районах Ферганской долины соотношение между группами, из которых формировалось оседлое население, было различным. В Миндоне, судя по данным 1890 г., большинство составляли таджики. В других кишлаках это могли быть кашгарцы или осевшие кочевники. Что касается общего соотношения разных групп мигрантов по всей Ферганской долине, то эту проблему ещё никто из исследователей не анализировал. Однако некоторое представление об этом предварительно можно составить.

Взять, к примеру, кашгарцев. Число их в Фергане, судя по всему, было огромным, хотя мнения современных исследователей о конкретной цифре разошлись. По мнению Губаевой, которая, видимо, повторяет высказывание Валиханова, в середине XIX в. в Ферганской долине было около 300 тыс. кашгарцев¹⁵². А. Кайдаров полагает, что к 1860 г. в Среднюю Азию пересели-

управлению и устройству в областях Туркестанского генерал-губернаторства. 7 ноября 1867–25 марта 1881 г. СПб., 1885. С. 13). Однако население Ферганы никак не могло удвоиться с 1870 по 1897 гг.

¹⁵¹ Вамбери А. Путешествие по Средней Азии. М., 2003. С. 273.

¹⁵² Губаева С. С. Уйгуры и дунгане Ферганской долины // Современное развитие этнических групп Средней Азии и Казахстана. Ч. 2. М., 1992. С. 121.

лось 250 тыс. выходцев из Кашгарии¹⁵³. И. В. Захарова считает, что до 1860 г. в Кокандском ханстве было 200–250 тыс. кашгарцев¹⁵⁴. Г. М. Исхаков, А. М. Решетов и А. Н. Седловская полагают, что в XVIII–XIX вв. в Среднюю Азию переселилось от 85 тыс. до 160 тыс. выходцев из Кашгарии¹⁵⁵. Г. Б. Никольская соглашается с последними цифрами¹⁵⁶. Текущая статистика 1890-х гг. зафиксировала около 40 тыс. кашгарцев в Ферганской долине¹⁵⁷.

Если принять за основу самую маленькую оценку числа выходцев из Кашгарии — 85 тыс. человек, то выходит, что каждый 9 или 10-й ферганский оседлый житель в 1870-е гг. был кашгарцем. Если ориентироваться на среднюю оценку и предположить, что число мигрантов из Кашгарии было около 160 тыс. человек, то их предполагаемая доля увеличивается почти до 1/4, т.е. каждый 4 или 5-й был кашгарцем. Если же согласиться с цифрой 300 тыс., то их доля становится просто колоссальной — 40–50 %, или каждый 2-й, от общего числа оседлого ферганского населения. В последнем случае выходит, что именно кашгарцы составили основную часть притока мигрантов в Фергану и именно они составили основу той группы, которая известна как «сарты».

Такой вывод заставляет несколько иначе взглянуть на историю тюркского языка в Фергане. Несмотря на то, что тюрки появились в долине очень давно, можно с полным на то основанием предположить, что ещё в XVIII в. фарси здесь если и не был доминирующим, то во всяком случае довольно широко использовался местным населением. Это касается в первую очередь западных (северо-западных и юго-западных) районов Ферганской долины, где даже сегодня сохраняется говорящее по-ирански (по-таджикски) население. Но и в южных и юго-восточных районах Ферганы к XVIII в. окончательная тюркизация была далеко не завершена¹⁵⁸. Во всяком случае, массовое

¹⁵³ Кайдаров А. Уйгурский литературный язык и вопросы разработки научных принципов терминотворчества // Исследования по уйгурскому языку. Т. 1. Алмата, 1965. С. 23.

¹⁵⁴ Захарова И. В. Материальная культура уйгуров Советского Союза // Среднеазиатский этнографический сборник. Вып. 2. М., 1959. С. 223–224.

¹⁵⁵ Исхаков Г. М., Решетов А. М., Седловская А. Н. Современные этнические процессы у советских уйгуров // Этнические процессы у национальных групп Средней Азии и Казахстана. М., 1980. С. 75.

¹⁵⁶ Никольская Г. Б. Выходцы из Синьцзяна в Туркестане в конце XIX — начале XX вв. (материалы к истории народов Средней Азии). Автореферат кандидатской диссертации. Ташкент, 1969. С. 15.

¹⁵⁷ В эти цифры не входят родственная кашгарцам группа «таранчи» — выходцев из Кульджинского округа, которые числом около 45 тыс. человек переселились в Россию в начале 1880-х гг. (и которые составили основу нынешнего «уйгурского меньшинства» в Казахстане и Кыргызстане).

¹⁵⁸ Даже в Ташкенте, судя по некоторым данным, иранский язык был распространён в начале XVII в., на момент, когда его захватили и подчинили себе

переселение сюда выходцев из Каратегина, Дарваза и других южных областей не могло не способствовать распространению иранского языка.

Процесс тюркизации, несомненно, усилился в XVIII и особенно в первой половине XIX вв., когда в Ферганскую долину хлынул поток кашгарцев. Прямая связь массовых переселений жителей Кашгарии в Ферганскую долину и быстрого повышения роли тюркского языка не является случайной: именно Кашгария — это та часть Средней или Центральной Азии, где древнее иранское население раньше всех стало говорить по-тюркски. Правда, процесс тюркизации здесь также шёл постепенно. Как отмечал один современник ещё в первой половине XVII в.: жители Кашгарии «...Говорят и по-тюркски и по-таджикски. На обоих языках говорят без ошибок...»¹⁵⁹. В этом же веке учёные и писатели этого региона изъяснялись на таджикском языке, причём, по замечанию исследователей, на бытовом его варианте¹⁶⁰. Тем не менее, именно через Кашгарию шли основные миграции в Среднюю Азию ранних тюрков (Тюркский каганат, Уйгурский каганат, Караханидское государство и т.д.). Именно в Кашгарии и сопредельных регионах (Семиречье) были созданы самые ранние литературные произведения на тюркском языке, к числу которых относятся, в частности, «Тюркский словарь» Махмуда-Кашгари и «Благодатное знание» Юсуфа-Баласагуни. Родом из Кашгарии были предки одного из первых классиков тюркской поэзии XV в. — Алишера Навои («...По происхождению своему он из уйгурских бахшей...»¹⁶¹). Мать ферганского правителя и писателя Бабура, писавшего в XVI в. по-тюркски, — из рода Чагатайских ханов, которые правили в Могольском государстве. Весьма показательно также, что в начале XVI в. большая часть городского населения Ферганы, по сведениям Бабура, говорила по-ирански, за исключением лишь самого восточного города Андижан¹⁶². В начале XX в. по-ирански говорили лишь жители самых западных городов Ферганы — Канибадам, Исфара, Ходжент. Это указывает на то, что тюркизация шла с востока на запад, т.е. из Кашгарии, а не наоборот.

казахские ханы и когда совершил опустошительный поход на город аштарханидский хан Имамкули. По этнографическим сведениям, жители одной — самой древней — из частей (Кукчи-даха) Ташкента помнили, что их предки были «таджиками» (Шевяков А. И. Население Ташкентского оазиса в конце XIX–XX вв. М., 2000. С. 22). Впрочем, все такого рода утверждения местных жителей нельзя однозначно принимать на веру.

¹⁵⁹ Махмуд ибн Вали. Море тайн относительно доблестей благородных (география). Ташкент. 1977. С. 72.

¹⁶⁰ Акимушкин О. Ф. Введение в изучение памятника // Шах-Махмуд Чурас. Хроника. М., 1976. С. 46–47.

¹⁶¹ Мирза-Мухаммад-Хайдар. Тарих-и Рашиди. Ташкент, 1996. С. 255.

¹⁶² Бабур-наме. С. 30.

Итак, какие выводы можно сделать из сказанного? Признав, что население Ферганы в том его составе, который зафиксировали источники в конце XIX в., сложилось в XVIII–XIX вв. в результате, главным образом, интенсивной миграции извне, надо очень осторожно интерпретировать ту терминологию, которая использовалась для самоидентификации мигрантов. Все имена упомянутых групп, как показывают разного рода источники, первоначально представляли собой скорее названия, которые были даны им со стороны, нежели самоназвания. Они указывали на то, откуда пришла та или иная группа: «калмок» — из «страны неверных», «кашкарлык» — из Кашгарии, «таджик» — с гор. В том месте, откуда сами группы вышли, эти названия в качестве самоназваний не использовались. «Таджик» из Каратегина или Дарваза мог быть у себя на родине потомком какого-нибудь «кыргыза» или «тюрка»¹⁶³, «таджик» с Памира — «шугнанцем», а «кашгарец» у себя на родине — потомком «кыргыза» или «ферганца». Все эти различия в Ферганской долине, куда переселялись мигранты из названных регионов, постепенно стирались и становились несущественными.

У части мигрантов новые имена, которые они получили уже в Фергане, со временем закреплялись в качестве самоназваний. Этому, в частности, способствовала особая структура государственного устройства, в которой распределение должностей, налогов, привилегий зависело от принадлежности к одной из признанных статусных категорий. Как писал М. А. Варыгин, имея в виду Бухарское ханство: «...Чины даются в Бухаре не за образование, не за службу, а за принадлежность к известному роду, или за родство с важными лицами...»¹⁶⁴. Сказанное относилось не только к отдельным лицам, но и целым сообществам людей. Если та или иная группа выделялась своей численностью, экономическим и военным потенциалом, то она получала автономный статус, её представители занимали высокие посты и члены такой группы старались подчеркнуть свою самостоятельность, используя для этого особое имя. Напротив, если какая-то группа была небольшой, а её влияние незначительным, то такую группу включали в состав других, более мощных объединений и её члены быстро теряли прежнее самосознание. Процесс возвышения одних и понижения других шёл непрерывно.

¹⁶³ Записка академика В. В. Бартольда по вопросу об исторических взаимоотношениях турецких и иранских народностей Средней Азии // Восток. 1991, № 5. С. 166. Мои расспросы в Дарвазе во время поездки туда в 2004 г. показали, что среди жителей этого региона сохранились воспоминания о переселении сюда мигрантов из Самарканда и Кашгарии.

¹⁶⁴ Варыгин М. А. Опыт описания Кулябского бекства // Известия Русского Географического Общества. Т. 52. Вып. 10. СПб., 1916. С. 796.

* * *

Подытоживая, ещё раз напомним, что в 1890 г. в Миндоне были зафиксированы 4 группы: «сарты» — потомки древнейшего населения Миндона, «таджики» — выходцы из Каратегина и других горных районов современного Таджикистана, «кашгарцы» — выходцы из Кашгарии, «кыргызы» — в данном случае речь, возможно, шла о калмыках (впрочем, это могли быть действительно кыргызы, тем более, что в непосредственной близости от Миндона сегодня находится небольшое селение Кыргыз, населённое представителями этого народа).

Можно ли назвать все перечисленные сообщества «этническими» или «прото-нациями»? Для ответа на этот вопрос сначала надо установить, что такое «этническая группа», какие существенные признаки указывают на её наличие или отсутствие. Имеется несколько определений, в каждом из которых подчёркивается какая-то одна черта (что, кстати, само по себе ставит под сомнение возможность и необходимость описывать историю в «этнических» терминах).

Одно определение «этнической группы» (в том числе в советско-российской «теории этноса») предполагает, что это сообщество со своим самосознанием, со своим языком (или его диалектом), своим набором культурных обычаев и привычек, компактной территорией проживания, даже, возможно, эндогамией. В формулировке Ю. В. Бромлея это звучало таким образом: «...этнос <...> может быть определён как исторически сложившаяся на определённой территории устойчивая межпоколенная совокупность людей, обладающих не только общими чертами, но и относительно стабильными особенностями культуры (включая язык) и психики, а также сознанием своего единства и отличия от всех других подобных образований (самосознанием), фиксированным в самоназвании (этнониме)...»¹⁶⁵. В определении этноса более или менее важное значение может играть также биологическое наследование, которое образует «естественные», а значит жёсткие и непроходимые границы между этническими группами.

Второе определение «этнической группы» предложил норвежский исследователь Ф. Барт, который настаивал на том, что «общая культура», характерная для этнической группы, это скорее «...внешняя (implication) или результирующая, нежели первичная и определяющая характеристика...»¹⁶⁶. Особенности этнической группы — это не «...сумма “объективных” отличий, а только те из них, которые самими членами группы (actors)

рассматриваются как значимые...»¹⁶⁷. Чтобы понять, что такое «этническая группа», Барт предложил сосредоточиться не столько на поиске тех или иных её черт, будто бы позволяющих дать описание этнической общности, сколько исследовать «границы» (boundaries) этнической группы как способ описания «своих» и «чужих».

Компромисс между этими двумя крайностями попытался найти упомянутый в начале этой главы Э. Смит: к числу признаков этнической группы он относит коллективную память об основных событиях и этапах в истории сообщества (воспоминания об освобождении, переселении, золотом веке, победах и поражениях, героях, святых и мудрецах), а также коллективные символы (гербы, гимны, праздники, места проживания, обычаи, языковые коды, святые места). Именно символы и память напоминают о судьбе и уникальной культуре этнической общности. В итоге определение Смита выглядит так: этническая общность — это «...носящая определённое имя группа людей с общим мифом о происхождении, историей и культурой, связанная с определённой территорией и чувством солидарности...»¹⁶⁸. В этом определении тоже присутствует «этническая граница», но она связана не физическим наследованием, а с представлениями и самоощущениями, что делает границу (и самосознание) более пластичной¹⁶⁹.

На мой взгляд, ни первое бромлеевское, ни второе бартовское определение «этнической группы», ни компромиссное смитовское определение в случае с миндонцами не работают. Не работает то, что объединяет все эти теории или определения, — «этническая граница», интерпретируется ли последняя как некий «объективный», «физический» предел распространения той или иной культурной нормы или культурного артефакта, либо как «субъективно» переживаемое чувство близости или отторжения, т.е. как «граница», существующая только в умах людей. В том обществе, которое я описал, отсутствуют сами границы, которыми можно было бы очертить группы, прилепив к ним ярлык «этнические».

Сарты, калмыки, таджики, кашгарцы не были сообществами, их ничто не связывало в единую культурную или языковую общность, у них не было ни чувства солидарности, ни долго сохраняющего мифа о едином происхождении и единой истории, ни единой территории проживания. В разных регионах и в разных селениях группы, которые могли носить одно имя, занимали совершенно разные социальные ниши, имели свой особый статус, принимали культуру и язык окружающего населения.

¹⁶⁷ Ibid. P.14.

¹⁶⁸ Смит Э. Национализм и модернизм. С. 350.

¹⁶⁹ Смит детализирует свою картину, различая «горизонтальные» и «вертикальные» этнические группы. Первые — это сообщества, в которых «этничность» свойственна только элите, вторые — где в «этнические» связи вовлечён более широкий круг социальных страт и классов (Там же. С. 352).

¹⁶⁵ Бромлей Ю. В. Очерки теории этноса. М., 1983. С. 57–58.

¹⁶⁶ Barth F. Introduction // Ethnic Groups and Boundaries. The Social Organization of Culture Difference. Bergen-Oslo, London, 1969. P.11.

Взаимоотношения между этими группами нельзя назвать «ассимиляцией», поскольку отсутствовали и «ассимилируемые», и «ассимилирующие» как две стороны, две разных культуры, два разных сообщества. Можно вести речь только о процессе «плавления», кристаллизации и распада, изменения культурных форм и идентичностей.

В среднеазиатском обществе было много границ, не совпадающих между собой, пересекающихся, иерархичных. Эти границы — между оседлыми и кочевниками, между сартами и кашгарцами, между тюркоязычными и ираноязычными, между соседними кишлаками и областями — были вполне проницаемы как физически, так и ментально. Все перечисленные выше различия (и обозначающие их имена) не находились в какой-то фундаментальной оппозиции друг к другу. Любые оппозиции имели ситуативный характер, поэтому различие между «сартами» и «кашгарцами», «сартами» и «таджиками», «калмыками» и «кыргызами», актуальные в данном случае, в другом месте и в другое время оказывались несущественными — кашгарец или таджик сам становился «сартом», а калмык — «кыргызом». Между всеми этими оппозициями было множество переходных форм и состояний, которые и определяли весьма разноликий облик среднеазиатского общества.

Даже, казалось бы, жёсткая родо-племенная структура кочевников и полукочевников на деле была весьма гибкой и «прозрачной» — несложная манипуляция с мифической генеалогией позволяла легко включать и исключать элементы этой структуры, создавать их заново и переоформлять всю иерархию в зависимости от складывающегося в конкретных обстоятельствах экономического, политического, демографического и идеологического баланса сил.

Конечно, до прихода русских в среднеазиатском обществе уже предпринимались попытки сформировать более жёсткие идентичности у тех или иных групп населения. Однако центров, откуда исходили такие импульсы, было слишком много — местные общины и локальные сообщества, государственные образования и харизматические личности. В условиях такой конкуренции и отсутствия мощных инструментов навязывания идентичностей последние (идентичности) были очень слабыми. Более или менее устойчивой была лишь конфессиональная идентичность «мы — мусульмане», по поводу которой в обществе существовало относительное согласие и не было споров. Наиболее точным описанием среднеазиатской реальности по-прежнему остаются слова В. В. Бартольда, который писал: «...оседлый житель Средней Азии чувствует себя в первую очередь мусульманином, а затем уже жителем определённого города или местности; мысль о принадлежности к определённому народу не имеет для него никакого значения...», но при этом, добавлял классик российского востоковедения, «...в новейшее время под влиянием европейской культуры

(через посредство России) возникло [у населения Средней Азии — С. А.] стремление к национальному единству...»¹⁷⁰.

Россия уменьшила конкуренцию между различными центрами конструирования идентичностей и дала в руки местной элиты те инструменты, которые помогали более успешно навязывать их населению. Именно с приходом русских в Средней Азии появляются более или менее устойчивые типы самосознания, на поддержание которых направлялись огромные ресурсы. При этом создавались не только категория (имя), но и её этническая интерпретация, которая подразумевала однородность, несменяемость и другие свойства. Конечно, нельзя утверждать, что идентичности, благодаря усилиям новой власти, окончательно затвердели и потеряли какую-либо двусмысленность и ситуативность, но они, несомненно, стали — с точки зрения участников «игры» в идентичности — намного более устойчивыми и определёнными.

Предложенное Бартольдом определение соответствует в большей степени той теоретической точке зрения, которую упомянутый Э. Смит причислил к «радикальному модернизму», или «конструктивизму». В пользу этого говорит не только тот факт, что с приходом Российской империи в Среднюю Азию начались постоянные эксперименты с этнографическими и национальными классификациями, которые уже при новой — Советской — власти закончились едва ли не директивным созданием наций с национальными границами, национальной культурой, национальным языком, которые обнаруживают много элементов искусственности и «воображения». В пользу «конструктивизма» говорит и то, что исследователи не могут найти в прошлом Средней Азии того, что можно было бы назвать «этническими группами» или «этническими сообществами».

¹⁷⁰ Бартольд В. В. Сарт // Бартольд В. В. Сочинения. Т. 2. Ч. 2. Работы по отдельным проблемам истории Средней Азии. М., 1964. С. 528–529.